

III

ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Н. П. БАУЕР

Отчетливое понимание денежного счета Русской Правды, которое по сей пору, на мой взгляд, не достигнуто и которому за последние 30 лет уделяли гораздо меньше внимания, чем раньше, имеет двойное значение. С одной стороны, только при помощи Русской Правды, сопоставляемой с памятниками вещественной старины, возможно уяснить себе древнерусское денежное обращение, так как только в ней находятся достаточно богатые указания на древние денежные единицы.

С другой стороны, денежный счет Русской Правды, как имеющий целый ряд специфических черт, в состоянии осветить по-своему вопросы возникновения самого памятника как в хронологическом, так и в географическом отношении. При датировке отдельных редакций Русской Правды употребление того или иного денежного наименования постоянно принималось в расчет ее исследователями.¹ Думаю, что самостоятельное рассмотрение денежного счета покажет с достаточной ясностью, что он может дать для общего понимания самого памятника.

Денежные наименования в Русской Правде и объекты натуральной повинности в других памятниках XI и XII вв.

В Русской Правде различных редакций встречаются следующие обозначения денежных понятий: скот и куны в смысле обобщающем, как, напр., у нас слово деньги; гривна, гривна кун, гривна золота, ногата, куна, резана, веверица и векша — в смысле платежных единиц и единиц, измеряющих ценность других предметов. Целый ряд этих обозначений — отмечу, как исключение гривну, в особенности в соединении со словом золото — благодаря словесной форме своей невольно заставляет думать, что в период возникновения и применения Русской Правды домашний скот и

¹ Например, Сергеевич, Лекции и исследования по древней истории русского права (1903), 55.

шкурки лесных зверей могли еще являться мерплом ценности и даже платежными знаками.

Свидетельство других памятников XI и XII вв. не оставляет сомнения в том, что в это время при взимании даней, которую побежденные платили победителям или же население вносило своим властям, были в ходу самые разнообразные предметы. Это были: золото или серебро в виде весового металла, черная куна, белая веверпца, соболь, горностаи, песок, белый волк, лисица, причем некоторые из этих мехов при большой массе исчислялись сороками;¹ рыбий зуб, рыба (побор взимался саями); особо осетр, мед, певод, бредник, половчаник, скатерть, убрус.² При спонсениях с греками упоминаются еще драгоценные материи — паволоки, овощи, вина, а с южными кочевниками — домашние животные.³

Нельзя поэтому сомневаться, что раз дань бралась натурой этими предметами, то и в повседневном обмене они должны были играть большую роль. Но особо частое упоминание пушнины, а также словесная форма обобщающего денежного понятия «куны» (куницы) и «скот» порождают мысль, что на этом общем фоне меновых отношений к X—XI вв. установилась какая-то более крепкая «валюта», товаро-деньги, на которые расплачивались другие товары и которыми по-преимуществу расплачивались. Имеются два свидетельства арабских писателей, которые подтверждают такое предположение. «Главное богатство их» (болгар, т. е. одних из обитателей восточноевропейской равнины), пишет Ибн-Рустэ,⁴ «составляют кунцы. Нет у них золотых и серебряных денег. Их диргеми⁵ — кунцы». Таково свидетельство X в. Из второй половины XII в., по неизвестно насколько оригинальное, имеется свидетельство Насир Эд. Дин Ахмед Тусского, автора, однако, еще плохо изученного. «На Руси ходячая монета — белка, не деньги. Это кожи без волос с передними и задними лапками и с когтями».⁶

¹ Уставная грамота Новгородского князя Святослава 1137. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, т. I, 217, издание 6-е, 1908; Бенешевич. Сборник памятников церковного права (1915), I, 99.

² Уставная грамота Ростислава Смоленского 1150 г. Там же, 225; Бенешевич, I, 106—107.

³ Поучение Владимира Мономаха в Лаврентьевской летописи под 1099 г.: «и мировъ есмь створилъ съ Половечьскими князи... а дая скота много и много порты своѣ».

⁴ Д. Хвольсон. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах (1869), 24—25.

⁵ Диргем — арабская серебряная монета. Об ее хождении на восточноевропейской равнине см. ниже.

⁶ Текст перепечатан с Hammer-Purgstall у А. К. Маркова. Конспект русской нумизматики, 13, и у В. Трутовского. Что такое югата, 6 (отд. оттиск из Древностей, издававшихся

О «валюте» домашних животных, помимо употребления слова «скот» в смысле денег, ни русские, ни иностранные памятники ничего не говорят. Но несмотря на это обстоятельство, со времен Карамзина принято считать эту «валюту» более древней, чем «валюту» пушнины, причем предполагают, что слово скот-деньги для конца X в. и для XI в. является лишь пережитком, и что животными не расплачивались. Наиболее отчетливо формулирует эту мысль Владимирский-Буданов: «Скот» — деньги, «скотница» — казнохранилище, подобно римскому *rescui* от *rescus*, указывает на тот экономический период, когда орудиями мены были действительно животные; но период этот относительно времени Русской Правды есть уже давно прошедший».¹

Посмотрим, насколько основательно говорить для Руси X—XI вв. о товаро-деньгах, которыми измеряли ценность других товаров и которыми даже расплачивались.

Скот — деньги, долг, дань, имущество

Слово «скот» в необычайном для нас смысле встречается в Русской Правде всего лишь 4 раза, причем только в первой части Краткой Правды. В других случаях это словоупотребление следует считать простым заимствованием и не имеющим вследствие этого самостоятельного значения. Таков заголовок статьи Распространенной Правды, в Синодальном списке «Аже кто скоть възъщеть»,² так как заголовки сочинены несомненно не одновременно с текстами и должны быть в данном случае отнесены к архаизирующим вкусам систематизаторов. Таковы же и статьи Распространенной Правды по списку Мусина-Пушкина, так как они дословно повторяют соответствующие пункты Краткой Правды.³ Очень важно вспомнить все безусловные четыре свидетельства в подлиннике; это статьи 20, 21, 24 и 25 в первой редакции (по Сергеевичу).

в Москве). Рукопись, которой пользовался Гаммер, пропала, но имеется другая в Готе, среди персидских рукописей, согласно Pertsch, 58. Последний отмечает, что она анонимная и относится к 1173—1193 гг. В виду многих неясностей в цитате, касающейся древнерусского обращения, изучение этого автора было бы весьма ценно. Переводом цитаты я обязан проф. Бертельсу и Ф. А. Розенбергу.

¹ Владимирский-Буданов, I, 24, прим. 19. — Столь же уверенно высказывается в этом смысле И. И. Кауфман. Русский рубль, 2. Goetz, Das russische Recht I, 276, — осторожнее.

² Владимирский-Буданов, I, 76; Goetz, III, 213. — В Троицком списке в заголовке употребляется слово «куны» вместо «скот». См. Сергеевич. Русская Правда в четырех редакциях, III, ст. 58.

³ Мусин-Пушкинский список. Сергеевич, III, ст. 156 и 157. Сравни I, ст. 20, 24 и 25, и Goetz III, 447.

1. (Аще гдѣ взыщеть на друзи проче, а онъ ся заприрати начнеть: то птти ему на извод пред 12 человекѣ) да аще будя, обидя, не вдалъ достойно ему свой скотъ, а за обиду 3 гривны.

2. (Аще кто челядинъ пояти хочеть)... то рци третьему, въдай ты мне свой челядинъ, а ты своего скота ници при видоци.

3. А пже изломить копье..., а начнеть хотѣти его держати у себя, то прияти скота у него.

4. А пже есть изломилъ... то скотомъ ему заплатитѣ колко даль будетъ на немъ.

В двух последних случаях совершенно ясно, что в переводе на современный язык слово «скот» обозначает деньги, так как испортивший чужую вещь должен заплатить за нее, безразлично, оставляет ли он ее за собой или нет. В двух первых случаях, когда речь идет о долге, неуплаченном своевременно или получившемся вследствие отобрания краденого раба, слово «деньги» столь же уместно, как и свой «долг», свое «добро», свое «именье». Так как вряд ли этому понятию денег в те времена была присуща особенная отвлеченность, следует предполагать, что словом «скот» одновременно указывалась «валюта», в которой надлежало платить. Конечно это не животные, а те гривны, которые служили знаком расплаты во всех других статьях Краткой Правды. Точнее мы это узнаем из летописи от 1018 (6526) г. «И начаша скотъ събирати, отъ мужа по четыре куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варяги, и въдаша имъ скотъ, и съвѣкупъ Ярославъ воя многы».¹ Ярослав собирает с населения деньги, дань кунами и гривнами и на эти деньги нанимает многочисленное войско. В данном случае думать о расплате домашними животными было бы совсем нелепо: «скот» — это куны и гривны. Несомненным по своему смыслу является «скот» в памятнике конца XII в. в мирном договоре Новгорода с готландцами (1189—1199), в статье о долге: «Оже емати скотъ Варягу на Русьнѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его запретъ, то 12 мужъ послухи, идеть ротѣ, възметь свое».² Если придется варягу с русского, или русскому с варяга взыскивать долг, деньги, и должник начнет отпираться, то для доказательства правоты истца требуется 12 свидетелей. Оплату долга следует и здесь предполагать, очевидно, в тех денежных единицах, которые упоминаются в договоре. Таковыми

¹ Лаврентьевская летопись. Шахматов. Повесть временных лет, 182, 19 и 22, Новгородский свод 1050—1079.

² Владимирский-Буданов, I, 95; Goetz, L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters (1916), 41.

являются либо старые куны, либо серебряные гривны. Аналогичное словопотребление встречается и в переводной литературе, а именно в Александрии псевдо-Каллисфена, в повести об Акире Премудром и в Пандектах Пикона Черногорца. Последнее произведение дошло до нас даже в рукописях XII в. В Александрии Александр выражает удивление своему полководцу Пармению, что царь персидский Дарий предлагает выкуп за плененных родичей: «Аз убо, Парменин, все възму в него (у Дария), подивхжеся яко Даріи скотомъ избавити хоцети род свое». Там же выражение «Вдаша скота многа». В греческом тексте в обоих случаях стоит слово *χρήματα* — деньги.¹ В сказке об Акире Премудром не раз употребляется слово «скот» в смысле именья, напр., «расточити скоты моя» = расточити дом мой.²

В 36 слове Черногорца Пикона вмещается выражение «притяжати скот», которое передает греческое *κτήματα*.³

Имеются еще два летописных свидетельства, которые допускают двойное толкование слова «скот», причем я лично в этих случаях склонен видеть обычное словопотребление, скот — животное. Под 1078 (6594) годом в Ипатьевской летописи рассказывается о Ярополке: «Такъ бѣше блаженъ съ князь Яропѣлкѣ тихъ, кротокъ, сѣмѣренъ, братолюбивъ и нищелюбъ, десятину даѣ отъ всѣхъ скотъ своихъ святѣи богородици и отъ жита по всѣя лѣта». В Лаврентьевской стоит: «святѣи богородици отъ всего своего имѣнья».⁴ Но так как в Ипатьевской летописи противопоставляется скоту жито, то следует предполагать здесь десятину с приплода в стадах.⁵

Также я понимаю слова Владимира Мономаха в его Поучении, что он ради мира отдавал половчанам скот и порты. Мрочек-Дроздовский полагает, что незачем было кочевников, богатых скотом, склонять к миру посредством отдачи скота, а требовались на то деньги.⁶ Вряд ли он прав. Свидетельство это очень характерно для постоянной политики кочевников-скотоводов в отношении к оседлым хлебопашцам. Они стараются ослабить последних физически, отнимая у них наиболее дорогое для них — живой инвентарь

¹ Истрин. Исследование об Александрии в Чтениях общества любителей истории и древн. рос., 1894, кн. II, 66; Срезневский. Материалы р. словаря, III, 388.

² Дурново. Повесть об Акире, 108; Григорьев. Чтения, 1913, № 1, 525, 526 (2. 41а. 81).

³ Срезневский, там же.

⁴ Шахматов, 262, 9.

⁵ На такое понимание этого места обратил мое внимание А. Н. Насонов еще в 1924 г. по поводу прочитанного мною доклада в ГАИМК и указал на параллель из Суздальской Руси, когда Андрей Боголюбский жертвует также из своих стад.

⁶ Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Р. Правды, 18—19.

и мешая им, — пользуюсь мыслью Константина Порфирородного, но лишь в обратном смысле — улучшать свою жизнь. Имеются и производные слова от «скот» — деньги, а именно безусловное «скотница» и заподозренное в последнее время «скотолюбие». По случаю крещения Киева князь Владимир устраивает торжества и «повелѣ въсяку нищю и убогу . . . възимати . . . отъ скотъницъ кунами».¹ То же слово употребляет митрополит Никифор (1104—1120) в своем поучении Владимиру Мономаху: «Но скотница твоя по Божіа благодати не оскудна есть и неистощима, раздаваема и не оскудѣваема».² Ясно, что речь здесь может идти только о казнохранилище, о казне, в которой сохраняются куны — деньги.

«Скотолюбие» встречается всего раз в послании митрополита Иоанна XI в., где разбирается вопрос о канонически-правильном отношении к осквернившимся против воли христианам через совместную еду с язычниками-кочевниками: «Иже своею волею ходитъ к поганымъ купля ради, и скверно ѣдять, сяхъ . . . нѣсть правило отлучая, аще велика суть согрѣшенья, ꙗже имѣнья ради, или скотолюбья ради с погаными оскверняются». Имеется вариант «скотолюбства» ради.³ Корыстолюбие указывается здесь в качестве мотива согрешений, но при этом в двух выражениях «имѣнья ради, или скотолюбья ради». Этот плеоназм вероятно смутил Goetz'a, который выражение «скотолюбие» перевел «*Liebe zum Vieh*», а не «*Liebe zum Gelde*» и этим отклонил обычное понимание этого слова, как корыстолюбие (Срезневский). Признаюсь, что и такое толкование считаю достаточно искусственным, так как вряд ли любовь к племенному скоту, а не к наживе побуждала русских жить среди кочевников. Более молодое слово «сребролюбие» является хорошей параллелью к разбираемому нами выражению.

Этими немногочисленными, но достаточно ясными цитатами исчерпывается применение слова «скот» — деньги в русских памятниках XI—XII вв. Они подтверждают полностью вывод исследователей, что в период Русской Правды «скот» — деньги не обозначали домашних животных в качестве платежных знаков. Вторая же редакция Краткой Правды, где имеется расценка животных на кунную систему, указывает и на то, что животные не были мерилom стоимости,⁴ чему имеется столь яркий пример в германском оби-

¹ Лаврентьевская летопись. Шахматов. 159, 19. Начальный свод.

² Срезневский, II, 388. О посте и воздержании чувств.

³ Памятники древнерусского канонического права (1908), 16. L. K. Goetz, *Altrussisches Kirchenrecht*, 160.

⁴ Сергеевич, II редакция, ст. 9.

ходе с его Vieh-Geld, kugildi.^{1, 2} Для исследователя Русской Правды этим вопрос насчет «скота» — денег как-будто бы можно считать исчерпанным, так как «валюта» VI—VIII вв. безусловно не может быть темой для его разысканий. Но так как имеется и другое мнение, правда, разделяемое лишь немногими, что слово «скот» пришло на Русь из Западной Европы, при том в X или XI вв., то приходится проследить этот вопрос далее и выяснить, не даст ли нам подобное словопотребление при ином решении что-нибудь новое для изучаемого нами периода.

Действительно, невольно спрашиваешь себя, так ли уж необходимо искать причину возникновения «скота» — денег в хозяйственных формах, специально восстанавливаемых по вполне возможной аналогии с историей других народов, причем для времен более ранних, чем появление памятников письменности.

В последних в качестве собирательного обозначения для денег «куны» встречаются раньше, чем «скот». Уже под 980 (6488) годом в летописи имеется запись: «Посемь рѣша Варязи Володимеру: съ градъ нашъ, и мы приихомъ я; да хошемъ имати окупъ на нихъ, по двѣѣ гривнѣѣ отъ чело-вѣка; и рече имъ Володимеръ: пождѣте, даже вы купы съберуть, за мѣсяць».³ Параллельный Лаврентьевскому списку текст Архангелогородской летописи от 1018 (6526) г. насчет собирания даней Ярославом для уплаты варяжскому войску заменяет слово «скот» словом «кони», что, конечно, нечто иное, как непоплатное и испорченное впоследствии «куны»: «Наша кони събрати отъ мужа по 4 гривны, а отъ старость по 10 гривнѣѣ, а отъ боярь по осмидесять гривнѣѣ».⁴ Перед тем, как перейти к дальнейшему, преимущественно языковому разбору слова «скотъ», я вкратце остановлюсь на фактическом положении скотоводства у восточных славян. Вот как характеризует положение дела в этом отношении Константин Порфирородный (912—959) в своем трактате «Об управлении государством»: «Руссы стараются жить в мире с Печенегами», — пишет царь, — «они покупают у них быков, лошадей и овец и от этого живут легче

¹ Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Band IV, 208, ст. 7, Viehgeld (Regling).

² Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnworterkunde в Göteborgs Kungl. vetenskaps och vitterhets samfundets Handlingar, т. 31, 4—311.

³ Лаврентьевская летопись. Шахматов 95, 3, начальный свод.

⁴ Лейбович. Сводная летопись, 119, 3. Признание Шахматовым в Розысканиях (238 и 245) исторической ценности за Архангелогородской летописью позволяет привести данную параллель. Логически рассуждая, свидетельство последней в отношении 1018 г. мне кажется даже предпочтительным, так как естественно брать с мужа 4 гривны, а не 4 куны, раз со старостой полагается 10 гривен.

и привольнее, так как на Руси ни одно из названных животных не водится».¹

Полагаю, что эта цитата первой половины X в. заставляет призадуматься над возможностью превращения на Руси скота в товаро-деньги, если он действительно был так редок там, и в свою очередь отодвигает в глубь веков возникновение чуждого нам словоупотребления. Да и предположение о богатстве скотом в более ранние времена при подобной практике всех кочевников становится сомнительным. Юще менее вероятно богатство скотом в Новгородской Руси, откуда происходят два наиболее показательные свидетельства разбираемого словоупотребления и куда многие исследователи относят возникновение Русской Правды.

Большинство историков со времен Карамзина ищут подтверждения для своей гипотезы в аналогии с римским прошлым, базируясь на якобы существующей языковой аналогии: *pecus* — скот, *pecunia* — деньги. Но, ставя знак равенства между *pecunia* и древнерусским «скот» — деньги, историки забывают, что в языковом отношении этого равенства вовсе нет. Термин *pecunia* производное, в то время как русское «скот» одновременно, без всякого изменения, должно обозначать, согласно толкованию этих ученых, и животных, и деньги. Итак развития в языковом отношении мы никакого не наблюдаем, в то время как в смысловом оно налицо. Вследствие этого аналогия получается, на мой взгляд, уже вовсе не столь убедительной, какой она кажется на первый взгляд.²

Неубедительность прежних предположений заставляет внимательно присмотреться к имеющимся у филологов на этот счет соображениям. Сводка сделана в этом отношении проф. Ильинским в 1915 г.,³ а затем для самого новейшего времени — Стендер-Петерсоном.⁴

Общего корня для слова «скот» в германском и славянском не имеется. Но в то же время это слово имеется и там и здесь. Древнегерманское *Skatta*, сохранившееся в современном немецком *Schatz* и шведском *Skatt*, употребляется в готском переводе библии IV в. постоянно, а именно в форме *Skatts*. Им переводятся греческие слова *δηνάριον* (денарий), *ἀργύριον* (серебряник), *μυα* (монета, *Geldstück*). Во множественном же числе готическое *Skatts* обозначает деньги. То же слово имеется затем в древнегерманских языках в следующих формах:

¹ Русский перевод 1834 г., гл. 2. Известия ГАИМК, вып. 91, 5.

² Gutzeit. *Nogaten und Mordken*. Riga, 1887.

³ Русский филологический вестник, 73, вып. 280—288.

⁴ Stender-Petersen, 311—313; *Folk und Torp. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch*, 1911.

Scaz = деньги, монета (Geldstück), имущество в древневерхнепемском.

Sket = деньги, скот — животное (Vieh) в древнефризском.

Scat = монета, имущество в древнесаксонском.

Sceatt = налог, подать, имущество, маленькая монета, деньги в англо-саксонском.

Skattr = налог, подать, клад, богатство, деньги в древнескандинавском.

Не считаю нужным для данного специального вопроса рассматривать взаимоотношение германского и славянского словоупотребления во всем его объеме, т. е. происхождение слова «скот» — животное я оставляю в стороне.¹ Достаточно отметить, что одно и то же слово у славян обозначает с древнейших времен по сие время домашних животных, а в прошлом у германцев — имущество, богатство, побор, деньги и в редком случае — у фризов — животное.

Присущий русскому языку смысл слова «скот» установился, судя по письменным памятникам, уже в XI в., что необходимо подчеркнуть, в виду противоположного мнения проф. Ильинского. Им выписывается ряд летописных и иных свидетельств, из которых он делает вывод, что для обобщающего значения этого слова нет как бы объема, так как верблюды, кони, волы, овцы, козы не подходят под это наименование. Взгляд Ильинского на неустойчивость словоупотребления «скот» — животное в XI в. опровергается двумя наиболее древними цитатами из летописей, а также всей переводной литературой, доказывающими, что под скотом понимали и тогда то, что и теперь, а именно домашних животных, по преимуществу рогатый скот. Под 988 (6564) годом читаем: «бываше на обѣдѣ томь множество мясъ, отъ скота и отъ зверипы».² Противоположение животных зверям — дичи указывает даже на очень отчетливое словоупотребление. Характерна и несколько позднейшая цитата под 6622 г.: «Преже бо сего жены блудяху, къ немуже хотяху и бяху аки скоть блудящѣ».³

¹ Stender-Petersen, 313, представляет себе заимствование след. образом: Als die Germanen mit den Slaven in Berührung kamen, war nur die erste Entwicklung (понимай, у германцев) erreicht, d. h. die Bedeutungsstufe «Besitz, Hab und Gut, Vermögen und Vieh». Die besondere Art der Beziehungen der Slaven zu den Germanen führt es mit sich, dass sie das Germanische skatta als skot in der Bedeutung «Vieh», vielleicht auch «Vermögen» in ihre Sprache aufnahmen. Stender-Petersen в отношении Vermögen приводит все те же нам хорошо известные места из севернорусских источников XI в.

² Лаврентьевская летопись. Шахматов, 160, 10, нач. свод.

³ В поучении Владимира Мономаха, Лаврентьевская л. под 1099 г.: «во ядяху... скоты вся нечистыя». Шахматов, 351, 3. — Конечно, изречение Даниила Заточника: «не

Естественно на мой взгляд предположить, что слово «скот» — деньги, долг, подать как обозначение редкое, ограниченное может быть даже пределами Северной Руси и неглубоко вошедшее в русский язык, хотя и вытеснившее на время старое слово, заставившее, так сказать, изменить его свою форму в «скотина» (см. Распространенная Правда), — что это слово было заимствовано одновременно с новым объектом денежного обращения, западноевропейским денарием, как заимствовала впоследствии Польша то же слово для обозначения $\frac{1}{4}$ немецкой марки.¹ Подтверждается подобное понимание, с одной стороны, одним ранним немецким источником, с другой стороны, всей англо-саксонской и скандинавской действительностью IX, X и XI вв. Остановимся сперва на первом.

В Раффельштеттенском таможенном уставе 903—906 гг., где говорится и о славянах: *qui de Rugis vel de Boemanis mercandi causa exeunt* (которые приезжают от Ругов или Чехов с торговыми целями) имеется упоминание о платежной единице: *Naves... donent pro theloneo semidragmam, id est scoti I* (Суда платят в виде таможенной пошлины полудрахму, что есть один скоти).² В новейшем своем исследовании Гиллигер доказывает, что скоти весил 1.7055 г серебра и был тяжелым каролингским денарием.³ Даже если усомниться в правильности предположения, что под Ругами понимались Руссы, существование в немецком слова скоти для денария приближает нас к цели нашего исследования. Имеются и более поздние свидетельства для скоти, для X и XI вв., но всегда баварского происхождения.⁴ Начиная с VI в., денарий в Англии называется *sceat*, 20 штук которого идет на шиллинг. Но еще и в английских письменных памятниках X и XI вв. постоянно счет идет на скаты (*sceatt*, множественное *skattas*). Так в законах Мерсии упоминается вергельд-вира в «30 скатов», а также в законах короля Этельреда II, относящихся к 1000 г.,⁵ церковный побор называется *ciriesceatt* и *ciriescot*. В течение всех средних веков слово «skot» употребляется в Англии совместно со словом *lot* для

скотъ въ скотѣхъ коза» надо понимать прописно, а не отрицательно, как сделал Ильинский. Ср. Памятники XII в., изд. Калайдовичем, 237.

¹ См., между прочим, Stender-Petersen, 314.

² Васильевский в журнале Министерства народного просвещения 1888, июль, 121—150. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte im Mittelalter (1922), 541.

³ Hilliger. Die Duursteter Karolingergewichte. Blätter für Münzfrennde (1927), 166.

⁴ Fr. Schrotter. Handwörterbuch der Münzkunde, 618: Secundum legem Bajuvariorum secundus semis denarius scoti valet. В другом памятнике: *porcum habentem VIII scothen*. Этот денарий весил столько же, как первоначально и англо-саксонский, о котором речь впереди.

⁵ Liebermann. Gesetze der Angelsachsen, I, 4, § 16, 33 и т. д.; II, 34—35; 189 *sawols gescot*; 634 — *sceatt*; 646 — The Oxford english Dictionary VIII (1910), 197 под словом *sceat*.

обозначения всякого рода коммунальных денежных повинностей с госгольдеров.¹ Таковые же, конечно, вносились английскими денариями.

Скандинавы были в X и в первой половине XI вв. главными потребителями этой дани в монетах, так как выкачивали огромное количество серебряных денариев из подвергавшегося сперва систематическому ограблению, затем завоеванию британского острова. Свое старое слово *skattr* шведы даже несколько изменили, называя своего первого короля, чеканившего монету, «*Olof Skötkonung* или *Skottkonung*» (1000—1014), т. е. Олафом Шосконунгом. Скандинавы завозили англо-саксонские монеты и к нам (см. ниже) и поэтому вполне естественно, что местное население стало их называть «скат'ами».

Итак «скат» деньги является простым омонимом «скота» — животного, и вполне прав известен Томсен, что в смысле денежного знака (монеты), скат является ничем иным, как простым (новым) заимствованием древнескандинавского *skattr*, подать, деньги (т. е. монеты); этим объясняется и значение казначейщика, древнерусское скотница.²

Весьма разросшееся объяснение слова «скот» — деньги было необходимо на мой взгляд не потому, что такое понимание древнерусского «скот» является новостью. Уже участник первого издания Русской Правды И. Болтин писал: «Владимир раздавал бедным от скотниц своих кунам. *Scatt* по-шведски значит куна и подать, чем совершенно оба слова сии объясняются». Конечно, я себе не так просто объясняю дальнейшее: «Могло легко статься, что в нескольких веках, когда слово «сие» из употребления вышло, переписчик из Несторовой летописи, не разумея слов скат и скатница, почел их ошибкой писца и написал скот и скотница, думая поправить, более смысл učinил невразумительным».³

Счет в купной системе

Вторым обобщающим понятием для денежных единиц служило слово «куны». Оно всего только раз встречается в Краткой Правде, во второй ее редакции, в так называемом покое вином: «Или ся (виранку) пригодѣ в говѣние рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ; то всехъ кунъ 15 кунъ на

¹ *Encyclopedia Britannica*, Scot.

² Stender-Petersen, 314. Schon V. Thomsen (*Samlede Abhandlinger*, Bd. I, 337) hat sehr scharfsichtig bemerkt, dass das altrussische *скотъ* in dieser (Geldstück) Bedeutung einfach eine Entlehnung des altnordischen *Skattr*, Steuer, Geld sei. Daraus erklärt sich auch die Bedeutung Schatzkammer, das altrussische *скотница*.

³ Болтин. «Ответ генерал-майора Болтина на письмо кн. Щербатова». — Ср. Каченовский в «Вестнике Европы» за 1827 г., стр. 208.

недѣлю».¹ Напротив, в Распространенной Правде куны в этом обобщающем смысле встречаются очень часто, а именно 23 раза.² Наиболее характерной в данном случае является следующая статья: «Послуховъ ли по будетъ, а будетъ кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ»,³ т. е. если тижба касается суммы денег в 3 гривны, то достаточно присяги истца за отсутствием свидетелей. В таком же смысле употребляются «куны» и во всех других древних памятниках. На требование варягов дать им окуп в две гривны с человека, Владимир предлагает подождать пока сберут куны за месяц,⁴ и япичим он раздает куны из скотниц. В так называемой статье. О пришлоде Карамзинского списка Правды, которую следует рассматривать как самостоятельный памятник, постоянно встречаются подобные выражения, как «А за то все кунами 40 000 гривенъ и 5000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ».⁵

Итак, к моменту появления письменности на Руси, в ходу было слово «куны» для обозначения понятия денег. Аналогия с последним словом идет еще дальше, так как одна из денежных единиц, подобно деньге — монете с XIV—XIX в., носила наименование «куны». Для следующих единиц купы служили собирательным обозначением: для гривны, ногаты, куны, резаны, веверцы и векши. На основании только что приведенных свидетельств последнее для гривны, куны и резаны не подлежит никакому сомнению; для ногаты и веверцы с векшей привести такого рода свидетельство, где бы куны — деньги были поставлены в прямую связь с ними, не удастся. Но две статьи, где все эти единицы перечислены друг за другом, а именно покон вирный «А вирнику 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици», и статья о возмещении за домашних животных подтверждают существовавшие целой системы, объединяемой понятием «куны». Последняя статья гласит следующим образом: «А за княжь конь ниже с пятномъ, 3 гривны; а за смердъ 2 гривнѣ, за кобылу 60 рѣзанъ, а за волю гривну, а за корову 40 рѣзанъ, а третьякъ 15 кунъ, а за лоньщину полъгривнѣ, а за теля 5 рѣзанъ, за яря ногата, за баранъ ногата».⁶

Оставляя на время в стороне вопрос о реальной сущности этих единиц, что тесно связано с их именованиями и с вещественными памятниками

¹ Сергеевич, II ст. 24.

² Сергеевич, III, ст. 4, 23, 24, 44—46, 48, 58—60, 62—66, 68, 69, 72, 79, 80, 149.

³ Сергеевич, III, ст. 64.

⁴ Лаврентьевская лет. Шахматов 95, 3. В русских памятниках XI в. «куны» встречаются 5 раз.

⁵ Владимирский-Буданов, I, 45, ст. 49.

⁶ Сергеевич, II, ст. 9.

денежного обращения, дошедших до нас, я изложу сперва на основании имеющихся данных соотношение этих единиц между собой. Нет никакого сомнения, что наивысшей единицей денежного счета была гривна, которая употребляется без всяких определений в противоположность гривне золота и гривне куп, которые также встречаются в Распространенной Правде. В виду отсутствия в Правде каких-либо указаний на внешний вид или вес гривны и в виду распадаения ее на целый ряд более мелких единиц во II и III редакциях, приходится гривну рассматривать пока что исключительно с точки зрения ее составных частей, т. е. как единицу счетную.

Как очень легко убедиться, гривна Краткой и Распространенной Правды неодинакова. Во II редакции Краткой Правды имеются 4 фракции, а в Распространенной всего 3, так как резана исчезла. Вот как гласит, например, сходная статья о возмещении скота по Распространенной Правде: «А будет былъ князь конь, то платити за нь 3 гривны, а за пнѣхъ по 2 гривны... Аже за кобылу 7 (60) кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 купъ, за лоньщину полгривны, за теля 5 купъ, а за свиню 5 купъ, а за пороса ногата, за овцю 5 купъ, за баранъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано нань, гривна купъ, за жеребя 6 ногатъ».¹

Несмотря на меньшую ясность редакции сравнительно с Краткой тотчас же бросается в глаза исчезновение резани, что наводит на мысль о возможной разнице в стоимости гривны в обоих Правдах. Однако при сравнении размеров штрафа в гривнах, выраженных здесь и там в одинаковых статьях, становится ясным, что стоимость гривны не изменилась:

За убийство свободного мужа — 40 гривен: Кр. ст. 3, Распр. ст. 3.

За ударение каким-либо предметом — 12 гривен: Кр. ст. 7, Распр. ст. 27.

То же не вынутым мечом из ножен — 12 гривен: Кр. ст. 8, Распр. ст. 25.

За княжего коня — 3 гривны: Кр. ст. 9, Распр. ст. 55.

За коня обычного — 2 гривны: Кр. ст. 9, Распр. ст. 55.

За вола — 1 гривна: Кр. ст. 9, Распр. ст. 56.

Правда, не всегда равные ставки в обеих Правдах носят один и тот же юридический характер: в одном случае это частное вознаграждение, идущее в пользу пострадавшего, в другом — денежная пеня за преступление, взимаемая государством. Это различие смутило Мрочека-Дроздовского и он

¹ Сергеевич, III, ст. 55 и 56; «за кобылу 60 кунъ» исправлено по другим спискам.

в своем чрезвычайно ценном исследовании о денежном счете Русской Правды привел целый ряд доводов, не позволяющих ему пользоваться равенством ставок в различных редакциях.¹ Думаю, что эти сомнения, неправильные сами по себе, ныне устарели. Первоначальная мера, при воздействии государственного начала, сперва вставлялась в крепкие рамки закова с заменой, хотя бы частичной, денежными пенями, а затем, с развитием значения государственной власти при распаде родового строя, всякое правонарушение стало пониматься как преступление перед государством, за что полагалось наказание в виде штрафа в пользу князя. Вполне естественно, что новых ставок не устанавливали, и они в старых размерах уплачивались новому юридическому лицу.

Гривна Краткой Правды II редакции, заключающая в себе 4 единицы, лучше всего поддается изучению на двух уже известных нам статьях: на статье о возмещении за скотину (см. выше) и на покое вином. В первой статье расценка начинается с самого дорогого: конь — 2 гривны, кобыла — 60 резан, вол — гривна, корова — 40 резан, третьяк 15 кун, лоньщина — $\frac{1}{2}$ гривны, теля — 5 резан, ярь и баран — ногата, т. е. 2 гривны больше, чем 60 резан, гривна больше чем 40 резан, 40 резан больше, чем 15 куп, $\frac{1}{2}$ гривны меньше 15 кун и больше 5 резан; 5 резан больше 1 ногаты.

Так как легче всего вести счет на резаны как на единицу чаще всего встречающуюся, возможно заключить, что 1 гривна, вероятнее всего, равняется 50 резанам, так как больше 40 резан и меньше 60. Ногата в свою очередь является, вероятнее всего, наибольшей единицей после гривны, так как она одна из всех других единиц равняется в цене одному животному (за яря, за барана), но она меньше 5 резан. Куна — следующая по достоинству единица, так как в количестве 15, хотя и меньше 40 резан, но больше $\frac{1}{2}$ гривны, и вполне возможно предположить, что равняется в количестве 20 или 25 одной гривне. Резана, как $\frac{1}{30}$ гривны, может быть наполовину меньше куны.

Итак на основании этой статьи возможно предположить следующее уравнение:

$$1 \text{ гривна} = 15 \text{ или } 20 \text{ ногатам} = 20 \text{ или } 25 \text{ кунам} = 50 \text{ резанам.}$$

Неизвестным остается число вевериц, но что она меньше резаны, усматривается из покона виного: 60 гривен и 10 резан и 12 вевериц.

¹ Мрочек-Дроздовский. 119—120.

Благодаря вдумчивому отношению к тексту и прекрасному знанию русского быта, Мрочеку-Дроздовскому удалось установить и более точное соотношение между некоторыми единицами кунной системы.¹

Согласно покою вирному должностному лицу, вирнику, полагалось натуральное довольство, а во время говения рыба, за которую он мог получить и деньгами 7 резан в день.² В этой же статье, как мы уже видели, делается из этого неожиданный вывод «то всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю». Верен этот подсчет лишь в том случае, если учесть, что только в течение 4 дней недели говения, в понедельник, вторник, четверг и субботу полагалось есть рыбу, эквивалентом которой являлись 28 резан. В среду же и в пятницу, как постные дни, полагалось, согласно той же статье, получать, как в течение всего года, по резани. Таким образом выходит 30 резан, так как воскресенье предназначалось для переезда вирника из одной общины в другую и довольствия ему в этот день вовсе не отпускалось. Переводя 30 резан на куны, согласно этой статье, получаем 15 кун, что устанавливает соотношение резаны к куне, как 1 : 2, что уже предполагалось на основании статьи о возмещении скота. Из этого же следует, что куна является $\frac{1}{25}$ гривны, и что статья могла бы гласить: а за кобылу 30 кун (= 60 резан), а за вол гривну, а за корову 20 кун (= 40 резан).

Из Краткой Правды нельзя усмотреть точного соотношения между погатой и другими единицами, но как мы уже видели, она меньше 5 резан, т. е. $2\frac{1}{2}$ кун. Она вряд ли равняется 2 кунам, а то стояло бы: а за яря 2 куны. Приходится предположить, что она лишь несколько, на дробь, больше кун. Это вполне возможно, так как кроме резаны существовала еще меньшая единица — веверица. Правильность только что установленного соотношения между гривной, погатой и резаной подтверждается так называемой статьей о приплоде Карамзинского списка, которая, органически вовсе несвязанная с Русской Правдой, была волей переписчика включена в Распространенную Правду «... Какой-то сельский хозяин, кажется Ростовской области», — вот как характеризует ее Ключевский, — «положив в основу инвентарь своего села, составил математический, т. е. фантастический расчет, сколько в 12 или 9 лет получится приплода от его скота и пчел, прибыли от высеваемого хлеба и пяти стогов сена, а также, сколько

¹ Там же, 190, прим. 22.

² Сергеевич, II, ст. 24. Вирнику полагается различного продовольствия на неделю: «а въ среду рѣзану; а въ пятницу такоже... или ся пригодѣ въ говѣніе рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ. То всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю».

причтется платы за 12-летнюю работу женщине с дочерью».¹ Вставка о приплоде с точки зрения денежного счета однородна с Краткой Правдой II редакции, а не с Распространенной, так как в ней счет ведется помпо гривен и ногат, на резаны, а не на куны, как в последней. Это дает мне право проверить при ее помощи добытые ранее результаты из анализа Краткой Правды. Цены же на инвентарь, которыми пзобилует этот памятник, я игнорирую и не сравниваю их с ценами в памятниках юридического и фискального характера.² Думаю, что обратный прием был бы методологически неправилен, в данном же случае при фантастичности предположений сугубо недопустим.

К сожалению, — и в этом удостоверюсь при первом же знакомстве с данными статьями,³ — изданный текст не лишен погрешностей в передаче цифр — и не только их. Так, например, несомненно неверна стоимость 19 животных, выраженная в 7 гривнах ст. 56.⁴ Этому, впрочем, нечего удивляться, раз переписчикам приходилось иметь дело при передаче сотен и десятков тысяч не с арабской системой чисел. Дальнейший разбор статей показывает, что получается верный результат проверки подсчета лишь в том случае, если подставляется добытое нами уже ранее соотношение между единицами. В тех же статьях, где несмотря на это, все же цифровой результат подсчета остается неверен, подставить какие-либо другие соотношения, возможные во всех статьях, не удастся.

Из всех статей Карамзинского списка о приплоде значение для наших целей могут иметь лишь статьи 49, 50, 51, 52, 54, 55 и 56. Статьи 53 и 57 ведут счет лишь в полугривнах, а не в ногатах и резанах, поэтому для нас не интересны. Следует, однако, здесь же заметить, что цифровые данные в ст. 53 верны, в 57 же в умножении допущена опибка на 4 единицы и следует читать 128 гривен, а не 124. Ст. 49 и 50, сравненные между собой, помогают выправить опибку в ст. 49, к разбору которой я и перехожу.

«А отъ 20 овецъ и отъ двою приплода на 12 лѣтъ 90 000 овецъ и 100 овецъ и 12 овецъ, а борановъ 90 000, 100 и 12 борановъ а всего борановъ и овецъ на 12 лѣтъ⁵ 180 000 и 200 и 23. А овца метана по

¹ Ключевский, Курс, I. 284; см. разбор статей у Прозоровского. Монета и вес в России. 214—216.

² Мрочек, 119. Исследователя смущает разность цен барана в Правде и в Карамзинском списке.

³ Владимирский-Буданов, I. 45—48, ст. 49—65.

⁴ Там же, исправляется на 17 по Софийской летописи II. С. Л. VI, 62.

⁵ Издание Владимирского-Буданова от 1908, 45, ст. 49, ошибочно печатает 11 лет вместо 12. В других изданиях, а также у Калачова и у Лазаревского 12.

6 ногать, а боранъ по 10 рѣзанъ. А за то за все кунами 40 000 гривенъ и 5000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ. А на тѣхъ овцахъ и на боранѣхъ рунъ 300 000 и 60 000 и 400 и 40 и 6 рунъ; а на тѣхъ рунѣхъ кунами 7000 гривенъ и 200 гривенъ и 8 гривенъ и 40 рѣзанъ и 6 рѣзанъ: а руно чтено на рѣзанѣ». Статья эта совершенно естественно распадается на две части: на подсчет животных и на подсчет рун. Остановлюсь сперва на последних. 360 446 рун расцениваются по резане, что дает 360 446 резан и равняется по расчету автора 7208 гривнам 46 резанам. Если сосчитать резану за $\frac{1}{50}$ гривны, то получается 360 446 резан ($7208 \times 50 + 46$).

В первую часть статьи несомненно вкралась арифметическая ошибка. В 12 лет получается приплод в 90 112 овец и в столько же баранов, что должно было бы дать в сумме 180 224 голов, в тексте же стоит 180 223. Если исправить эту ошибку, как делает Владимирский-Буданов, то получается противоречие между количеством животных и количеством рун: последних должно быть 360 446, т. е. вдвое больше, чем голов, которых указано 180 223.¹ Если обратиться к следующей статье, где ведется подсчет приплода от 20 коз «отъ двою приплоду» на те же 12 лет, то оказывается, что коз столько же, сколько и овец, именно 90 112, козлов же на одну единицу меньше, чем указано баранов в ст. 49, т. е. 90 111, причем автор конечно скрывает от нас свои соображения генетического порядка. При помощи этого сравнения объясняется общая цифра голов, указанная автором в ст. 49 ($90\,112 + 90\,111 = 180\,223$). Овцы считаны по 6 ногат, отношение которых к резанам нам известно лишь предположительно на основании Краткой Правды. Остановимся на соотношении $1 : 2\frac{1}{2}$. Тогда общая стоимость овец будет равняться 1 351 680 резанам ($6\text{ ногат} = 15\text{ резанам}$, овец же 90 112), а баранов 901 110 резанам (90 111 баранов по 10 резан каждый). Стоимость всех животных выражается тогда в 2 252 790 резан, что при расчете резаны в $\frac{1}{50}$ гривны дает как раз указанную автором цифру в 450 055 гривен 40 резан. Итак, предположенная мною поправка к тексту, уменьшающая число баранов на одного (90 111), оказалась правильной.

Ст. 50 «А отъ 20 козь, и от двою приплода на 12 лѣтъ 90 000 козь и 100 козь и 12 козь. А то кунами 20 000 и 7000 и 30 гривенъ и 3 гривны и 30 рѣзанъ. А коза метана по 6 ногать. А козловъ 90 000 и 100 и 11 козловъ. А то кунами 10 000 и 8000 гривенъ и 20 гривенъ и

¹ Каким образом рун вдвое больше, чем животных, я не понимаю.

10 рѣзанъ; а козелъ метанъ по 10 рѣзанъ». Как видно, в этой статье, в противоположность предыдущей, козы считаны отдельно от козлов. Для коз получается, согласно принятых нами соотношений, следующее: 90 112 голов, стоимостью по 6 ногат ($= 15$ резанам), 1 351 680 резан, т. е. 27 033 гривен 30 резан, указанных автором. С подсчетом козлов дело обстоит неблагополучно, так как переписчик допустил ошибку на 2 гривны: 90 111 козлов по 10 ногат дают 901 110 резан, т. е. 18 022 гривен 10 резан, а не 18 020 гривен 10 резан, как написано в тексте. Правильность цифры, полученной мною, подтверждается текстом в Софийской летописи (Полное собр., л. VI — 61) и подтвержденным выводом в статье 49.

Ст. 51 и 52 должны быть слиты уже по той простой причине, что венри сами по себе приплода дать не могут. «А о[тъ] трехъ свиней приплода на 12 лѣтъ 70 000 и 3000 и 700 и 20 и 8 свиней. А то кунами 30 000 и 6000 и 800 и 60 гривенъ и 4 гриввы [пропуск]. А ведревъ 40 000 и 9000 и 100 и 40 ведревъ: то кунами 10 000 и 4000, 700 и 40 гривенъ и 3 гривны и 40 рѣзанъ; а вебрь метанъ по 6 ногатъ [пропуск]». Первая часть ясна: 73 728 свиней стоят 36 864 гривен; пропущено указание на стоимость каждой отдельной свиньи, равной 25 резанам ($36\,864 \times 50 = 1\,843\,200$ резанам или 36 864 гривнам). Добавляю к тексту: а свинья метана по 25 резан. Во второй части получают излишние 1 гривна 40 резан. 49 140 вебрей по 6 ногат ($= 15$ резанам) дают в резанах 737 100 или 14 742 гривны, в то время как в тексте указано 14 743 гривны 40 резан. Чтобы объяснить излишние 90 резан, вернее всего толкование Прозоровского, что следует прикинуть здесь стоимость 3 свиней (по 25 резан $= 1\frac{1}{2}$ гривне) и одного борова (6 ногат $= 15$ резан), редоначальников приплода.

В следующих статьях у нас нет материала, который подтверждал бы делаемые мною исправления. Но я все же считаю нужным указать на таковые.

В ст. 54 общую стоимость кобыл надо исправить с 132 до 134: а то кунами 100 и 30 гривен и 4 гривны, по следующему расчету. Кобыл 32 по 150 резан $= 4800$ резан, третьячин 20 по 50 резан $= 1000$ резан, лонщин 20 по 30 резан $= 600$ резан, одполеток 20 по 15 резан $= 300$ резан, т. е. всего 6700 резан, в то время как в статье указано лишь 132 гривны $= 6600$ резанам.

В ст. 55 не указана цена старому жеребцу. Следуя расценке ст. 54, общая стоимость получается следующая: 4 кобылы по 150 резан $= 600$ резан, третьячины 3 по 50 резан $= 150$ резан, лонщины 2 по

30 резан = 60 резан, жеребцов молодых 10 по 15 резан = 150 резан, итого 960 резан, т. е. на 140 резан ниже указанной суммы в 22 гривны = 1100 резанам. Возможно предположить, что жеребец старый стоял как раз эти 140 резан (2 гривны 40 резан).

Ст. 56 наименее удовлетворительно сохранилась. В расчет входят быки, стоимость коней не указана. Кроме того за 19 голов рогатого скота положено всего 7 гривен, в то время как стоимость одних 9 коров равняется 12 гривнам = 600 резанам, так как 4 коровы метаны по 2 гривны = 400 резан, 3 третьячины по 1 гривне = 150 резан, и 2 лощипы по 25 резан = 50 резан. В подсчете сыров и гарпцев масла принятое и удостоверенное другими статьями соотношение резаны к гривне не подтверждается, так как 360 резан за сыры и 300 резан за масло равняется 660 резанам, т. е. 13 гривен 10 резан, а в тексте мы читаем 14 гривен 20 резан, т. е. 720 резан.

Прозоровский находит подтверждение соотношению гривны, ногаты и резаны, как 1 : 20 : 50, еще и в общей сумме доходов в 179 394 гривны 31 резаны: а всего того купами 170 000 гривенъ и 9000 гривенъ и 300 гривенъ и 90 гривенъ и 4 гривенъ и 30 рѣзанъ и рѣзапа, опроче жита (ст. 63). Действительно цифры такие: 45 055 гр. 40 рез., 7208 гр. 46 рез., 27 033 гр. 30 рез., 18 022 гр. 10 рез., 36 864 гр., 14 743 гр. 40 рез., 30 072 гр. 45 рез., 132 гр., 22 гр., 17 гр., 14 гр. 20 рез., 124 гр., 60 гр., 24 гр. и дают указанную автором сумму лишь при поправке, согласно Софийской летописи, и при расчете гривны по принятому соотношению. Имеется одна лишь странность: итог подводится в статье 63, а затем еще 60 гривен (ст. 64) и 24 гривны (ст. 65). Последние, как уплата женщине с дочкой за работу более походят на расход, чем на приход. Многие другие соображения Прозоровского, однако, бездоказательны.

Имеется еще одно свидетельство, при помощи которого Мрочек-Дроздовский пытается сделать поверку принятого нами соотношения между гривной и погатой, как 1 : 20.¹ Согласно уставной грамоты Ростислава Смоленского смоленская епархия получает десятину от всех дапей княжеских, за исключением поступлений с продажи и с виры.² Против обозначения поступлений с каждого отдельного окладного участка обозначается обычно тут же и десятина, как, напр.: «а въ Торончи дали четьыреста гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ». В одном случае, однако,

¹ Мрочек, 114.

² Владимирский-Будалов, I, 219, 220, 221; Бенешевич, 102—103.

указываются сперва поступления с Путницы, с Бенци, с корчмарей, с Дедич, с гостей, а затем без суммирования этих поступлений общая десятина епископу. Кроме этой особенности имеется еще другая: для Дедич вира от дани не отделяется. Вот как звучит текст: «на Путницѣ присло платять четьри гривны, Бѣниці 2 гривны, Коромтѣ полпаты гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того святѣй богородици и епископу три гривны безъ семи ногатъ». Общая сумма поступлений $32\frac{1}{2}$ гривны, из них точно установимы дали лишь с Путницы, Бенци, корчмарских и гостиных $17\frac{1}{2}$ гривен. 15 гривен с Дедич идут лишь в счет без виры, размер которой неизвестен. Десятина равняется 3 гривнам без 7 ногат, значит по прежним нашим предположениям получалось бы 53 ногаты, сумма же общих поступлений от дани 530 ногат, т. е. $26\frac{1}{2}$ гривны. Цифра возможная, так как она меньше 30 гривен, что необходимо, чтобы для десятины получилось меньше 3 гривен. Но, к сожалению, в тексте нет указаний на то, что в Дедичах дани равняются именно 9 гривнам ($26\frac{1}{2} = 17\frac{1}{2} + 9$). Поэтому пятата эта и догадка Мрочека дают нам меньше, чем статьи о прилоде, хотя предположительно подтверждают собою возможные выводы статьи о возмещении скота Краткой Правды.

Итак, для времени Краткой Правды 1 гривна = 20 ногатам = 25 куп = 50 рез., 1 ногата = $1\frac{1}{4}$ куп = $2\frac{1}{2}$ рез., 1 куп = 2 рез. Если ногата и резана на основании ряда памятников нашли свое определенное место в кунной системе, то сама куна лишь согласно Краткой Правде устанавливается как $\frac{1}{25}$ гривны. Стоимость ее в Распространенной Правде, где, как мы уже имели случай удостовериться, она встречается довольно часто, должна быть еще установлена. Это удастся сделать при сравнении ставок в параллельных статьях обеих редакций, так как оказывается, что куна всюду, за исключением двух статей, совершенно механически заменила собою резану. Размер ставок в обеих случаях остается прежним:

	Кр. Правда	Распр. Правда
Возмещение за кобылу	60 резан (ст. 9)	60 кун (ст. 56)
» » королу	40 » (ст. 9)	40 » (ст. 56)
» » теля	5 » (ст. 9)	5 » (ст. 56)
За участие в краже скота	30 » (ст. 12)	30 » (ст. 52)
» покражу лодки	60 » (ст. 15)	60 » (ст. 104)
» украден. птицу	30 » (ст. 16)	30 » (ст. 106)
» воровство мелк. скота	60 » (ст. 22)	60 » (ст. 58)

Столь же механически изменены резаны в куны в параллельной к покону вирному статье Распространенной Правды: вместо 60 гривен 10 резан 12 вевериц (Кр. Пр. ст. 24), 16 гривен 10 кун 12 векш (ст. 12).

Эти параллели настолько убедительны, что считаю возможным поставить за счет невнимания редактора, когда он в двух статьях просто, без измепенний цѣфровых, переносит ставки:

	Кр. Правда	Распр. Правда
За кражу голубя и курицы	9 кун (ст. 16)	9 кун (ст. 56)
» » сена и дров	9 » (ст. 21)	9 » (ст. 117)

Очевидно, статьям этим уделялось меньше внимания, так как в уроке скота в Распространенной Правде коэффициент кун удвоен:

	Кр. Правда	Распр. Правда
За третьяка	15 куп (ст. 9)	30 куп (ст. 56)

На основании этих сравнений можно с уверенностью сказать, что по неизвестным нам пока причинам прежняя резань стала в Распространенной Правде называться кунной, вследствие чего, однако, размер самой гривны не изменился.

Как показал в своем исследовании о Русской Правде Л. К. Гетц, равенство между резаной и новой купой подтверждается ставками для судебных пошлин, взимаемых в пользу главного исполнителя.¹ «Вирнику 8 гривень, а 10 кунь перекладная, а метельнику 12 вѣкши, а съсадная гривна. Аже будетъ вира в 80 гривенъ, то вирнику 16 гривень и 10 купъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны».² Вирник получает значит либо 8 гривен и 10 куп перекладных, либо 16 гривен и 10 куп перекладных, так как метельнику в обоих случаях полагается 12 вѣкш и ссадная гривна. 16 гривен вирник получает с высшей ставки в 80 гривен, т. е. с двойной виры, что составляет 20%. 8 гривен он, очевидно, получает с простой виры в 40 гривен, что также составляет 20%. Эти процентные отношения, конечно, те же и в 99 статье: «А се наклади 12 гривенъ, отроку 2 гривны и 20 кунъ», которые, переведенные на куны (1 гривна = 50 кунам, 12 гривен = 600 кунам, 20% от 600 куп = 120 кунам или 2 гривны 20 кун), подтверждают соотношение между гривной и новой кунной—старой резане, как 1 : 50. Правильность предположения о 20% со штрафа в пользу главного исполнителя Гетц усматривает еще в статьях 32, 78 и 104, где к штрафу в 1 гривну причислялись уже зараз 10 куп и в тексте написано прямо 60 кун.³

¹ Goetz, II, 40, 41; III, 128, 129, 310 280,—311; IV, 218—222.

² Сопреввич, III, 12.

³ Goetz, IV, 216. Der Strafsumme ist die Gebührensumme zugezählt, wenn wir statt der Strafe von 1 Grivna eine solche von 60 Kuna, statt der von 3 Grivna eine solche von 3 Grivna 30 Kuna finden. Von der Geldstrafe, prodaža zu 12 Grivna sei gleich bemerkt, dass sie immer nur als reine Strafe, also ohne Zurechnung der entsprechenden Gebühren vorkommt. Уже Мпо-

Равным образом и ст. 65 Распространенной Правды о резе рассматривается Гетпом как доказательство правильности признания соотношения гривны к куне, как 1 : 50.

Счет на новую куну для XII в. подтверждает, правда, с некоторой оговоркой, и смоленский устав 1150 г. Мы в нем уже находили указания, которые позволяли предполагать отношение между гривной и ногатой, как 1 : 20. На основании данных о сборе, называемом погородьем, можно признать ногату = $2\frac{1}{2}$ кун, а последние — старым резанам. Мы в нем читаем: «А се отъ Крупли гривна урока, а пять ногать за лисицу; а се отъ Вержавска двѣ гривны урока, а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты; а се отъ Каносы 6 гривенъ урока и двѣ лисицы, а почестья 35 купъ; а се Поциня урока полторы гривны, а за двѣ лисицы 22 купѣ».¹ Лисица упоминается в данном отрывке три раза. В погородие с Крупли она расценивается в 5 ногат, в Вержавске берутся три лисицы из расчета в 40 кун без 1 ногаты, а в Поцине 2 лисицы стоят 22 купы. Из первых двух данных получается известное уже нам соотношение между ногатой и новой куной, как 1 : $2\frac{1}{2}$ ($5 \text{ ногат} \times 3 = 15 \text{ ногатам} = 40 \text{ кунам} - 1 \text{ ногата}, 16 \text{ ногат} = 40 \text{ кунам}, \text{ т. е. } 1 \text{ ногата} = 2\frac{1}{2} \text{ кунам}$). Для Поцини же лисица отчего-то расценивается в 11 куп ($22 : 2$), а не в $12\frac{1}{2}$ кун, как следовало бы ожидать. Рождается мысль, что расценка может быть различной, смотря по местности, что и предполагал Мрочек-Дроздовский,² так как, подставляя расценку Поциня для Вержавска, ногата равнялась бы 7 кунам ($1 \text{ лисица} = 11 \text{ кунам}, 3 \text{ лисицы} = 33 \text{ кунам}, 33 \text{ куны} = 40 \text{ кунам} - 1 \text{ ногата}, \text{ т. е. } 1 \text{ ногата} = 7 \text{ кунам}$). Однако и такое предположение маловероятно, если сле-

чек, 124 и 125, пытался вывести на основании статей с судебными пошлинами правильное соотношение гривны и резаны (новой куны), однако останавливался перед запутанным вопросом о должностных лицах. Мне кажется, что Goetz, IV, 177—181, правильно разрешил его, представляя себе дело так, что при каждом старшем исполнителе полагалось другое лицо, несшее подсобные функции и которое в таких случаях называется отроком. Так, когда вирник выполняет основные обязанности, то отроком его является метельник, получающий не меняющееся от высоты штрафа вознаграждение. Когда дело идет о продажах, функции старшего исполнителя падают на мечника (может быть, того же метельника), который так же, как в ст. 99, сопровождается отроком, в данном случае писцом. Впрочем как раз эта статья очень неудачно формулирована, так как мечник называется также отроком: «отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ехати с отрокомъ па дву копу». Мрочек приводит для Краткой Правды статью, Сергеевич, II, 23, — где емцу причитается 70 кун с 12 гривен: «в этом случае полагая в гривне не 50, а 25 кун, найдем, что означенные 70 кун наклади емцу будут совершенно соответствовать 2 гривнам 20 кунам наклади отрока» (в Распр. Правде). Думаю, что здесь имеется ошибка. Гетпу удалось на мой взгляд установить 20%-пошлину в пользу исполнителей Распр. Правды. Для Краткой мы этих данных не имеем, а в данном случае получилось бы 23%, так как: 1 гривна = 25 кунам, 12 гривен = 300 кунам, от которых 70 кун 23.4%

¹ Владимирский-Вуданов, I, 225; Бенешевич, 106.

² Мрочек, 123—124.

лать проверку на данные из Крупли. Если предположить погату в 7 кун, то 5 погат составят 35 кун, т. е. придется предположить, что лисица для Крупли расценивалась в 35 кун, в то время как в Вержавске и Поцини она считалась по 11 кун. Кроме того предположение Мрочка уже потому недопустимо, что мы имеем в данном случае дело не с рыночными ценами, а с фискальными поборами, которые вряд ли могли даже в те далекие времена оценивать предметы с равными наименованиями по-разному в отдельных местностях. Поэтому я предпочитаю указания относительно Крупли и Вержавска признать однообразными и правильно переданными в тексте, а цифру для Поцини в 22 куны — ошибочной и подлежащей изменению в 25, как сделал это в свое время Казанский.¹ Для определения стоимости куны середины XII в. обычно пользуются еще одним источником, а именно Вопросаниями Кирика епископу Нифонту (1136 — 1156).² В них имеется такое место: «А за упокой еще велеше служити сорокоустіе: на гривну пятью, а на 6 кунъ единою, а на 12 кунъ двойчю», на основании чего будто бы следует заключить, что гривна содержала в это время 30 куп (1 сорокоустіе за 6 кун, 5 сорокоустов за гривну, т. е. $6 \text{ куп} \times 5 = 30 \text{ кунам}$ или 1 гривне). Чтобы избежать такого вывода, идущего в разрез с обычным подсчетом, либо 25-купной, либо 50-купной гривны, Карамзин, а за ним другие ученые полагали, что духовенству Новгородской епархии предлагалось делать скидку прихожанам в случае оптового заказа.³ Другие, как Прозоровский, стояли за то, что цитата правильно передает соотношение и что здесь имеется налицо падение ценности куны,⁴ предположение, которое безусловно само по себе вполне возможно, так как согласно истории денег падение стоимости денежных единиц явление чрезвычайно обычное. Однако в данном случае я считаю более правильным в поисках за истинными единицами древнего счета оставить в стороне свидетельство, где фигурируют цены, — самое условное, необязательное и обманчивое, что только может быть в исторических источниках.

Итак для купной системы Распространенной Правды мы получили следующее соотношение:

$$1 \text{ гривна} = 20 \text{ погатам} = 50 \text{ кунам.}$$

$$1 \text{ погата} = 2\frac{1}{2} \text{ кунам.}$$

¹ Казанский. Исследование о древней русской монетной системе в Записках Р. Археологического общества, III, (1851), 103. Статья Казанского (III, 90—157) хотя и устаревшая работа, но одна из лучших, написанных на интересующую нас тему.

² Памятники др. кан. права, 24.

³ Мрочек, 117.

⁴ Прозоровский, 187.

Самая последняя в ряде кунных единиц носит различное наименование в обеих Правдах: в Краткой «веверица», в Распространенной «векша». Но помимо разного смыслового значения, о котором речь будет ниже, эта, всего только раз упомянутая в Краткой Правде единица, совершенно механически заменена в Распространенной Правде словом векша — «а виринику 10 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверицъ» (Кр. Пр. ст. 24), гласит во второй: «а же будетъ вира въ 80 гривенъ, то виринику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши» (ст. 12).

В виду единичного употребления этой единицы,¹ более убедительным является пример из Пандекта Никона Черногорца, где в одном и том же слове (главе) и в одном и том же списке употребляются попеременно оба обозначения.² Незначительность этой единицы удостоверяется как стоимостью одной церковной свечи³ в Новгороде XII века, так и целым рядом переводных текстов, напр., Златоуструем, где имеется фраза: «Вельми убогъ есть, яко двою вѣкшу не имѣть.»⁴

Точно установить соотношение между веверицей и векшей, с одной стороны, и другими кунными единицами — пока не удалось ни на основании изучения Русской Правды, ни других источников. Учитывая всю кунную систему, я склонился бы к тому, чтобы признать веверицу за $\frac{1}{4}$ куны ($\frac{1}{2}$ резаны), так как погата представляет собою $1\frac{1}{4}$ куны и $2\frac{1}{2}$ резаны, что заставляет естественно предполагать реальное существование в натуре единицы, выражающей дробь. Однако как-будто бы этому противоречит пошлина в пользу вириника в 60 гривен и 10 резан и 12 веверецъ, всматриваясь в которую естественно предположить, что резана (будущая куна) больше 12 веверецъ. Но надо иметь в виду, что способы передавать суммы в денежных единицах в древности были, повидному, несколько иные, чем у нас теперь. Так мы встречаем в Краткой Правде обозначение суммы в 60 резан,

¹ В Распр. Правде векша встречается вторично в ст. 139 (Сергеевич, III): «а се уроци судебни: отъ виры 9 кунъ, а метельнику 9 вѣкши».

² Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, ХLI, 219—220 (Чудовский список XIV в.). слово 46: «Рци старче «продаети ли сия» он рече: «еп». Они же «по колыку». рѣша. Онъ же рече: «по десяти вѣверицъ». «Аще хоцещи по вѣкшѣ, да мы возмемъ». И глагола нмъ «яко же хоцете, возмѣте». И даше ему вѣверицѣ, взяша вся спрядия». К сожалению, греческий текст Пандект по сю пору не напечатан. Рукописи же, как хранящиеся в Париже и во Флоренции, для меня были недоступны. Так как в этом сочинении, переведенном на русский язык еще в конце XI или начале XII в., встречаются выражения: скот, гривна, резана, веверица и векша, можно ожидать от него, при сопоставлении с подлинниками, интересных уточнений древней русской денежной системы.

³ Памятники др.-р. кан. права, 24.

⁴ Срезневский. Словарь I, 486. — Ср. Пандекты «Аще по вѣкши единой токмо подають, никто же бы нище былъ». Срезневский. Сведения, 292.

в 30 кун, для Распрострапенной Правды в 70 и 60 кун, когда для нас было бы естественнее написать 1 гривна 10 резан, 1 гривна 5 кун, 1 гривна 20 кун, 1 гривна 10 кун. Может быть в данном случае имелась в виду расплата именно в веверицах. Или же может быть избегали сложных делений, так как пришлось бы сказать 16 резан (вместо 10 резан и 12 вевериц)

Реальная сущность купных денег по Русской Правде и по другим памятникам письменности XI и XII вв.

Как показало предыдущее изложение, Русская Правда опиралась при вычислении своих штрафов на стройную и богатую денежную систему. Пожалуй, следует даже сказать — на чрезмерно богатую систему, если иметь в виду начальную стадию государственного существования общества; поэтому невольно приходит мысль, что сами реально существовавшие к моменту составления Русской Правды платежные единицы подсказали такую сложную систему. Для выяснения этого обстоятельства чрезвычайно много может дать внимательный анализ наименований денежных единиц.

В купной системе, создающей впечатление однородности стройностью соотношений между отдельными частями, наименование единиц имеет характер чрезвычайно разнородный. Как мы далее убедимся, погата предполагает металлическую сущность знаков расплаты, куна и веверица с меховой — меховую, резана является понятием нейтральным, потому что разрезать можно как тонкую металлическую пластинку, так и мех. Гривна во всяком случае не обозначает меха,¹ с XI же века безусловно служила обозначением для единицы веса и расплаты в золоте и серебре. Впрочем все эти наименования, как давно уже вышедшие из обихода (даже гривна известна теперь только в форме гривенника), не вполне понятны без всестороннего разбора, — слово гривна встречается у всех славянских народов и обозначает ожерелье, обруч, браслет, кольцо; вес золота и серебра.²

В виду общедоступности производства этого слова первичный смысл его в качестве металлического шейного украшения очень редко подвергался сомнению. Такого рода соображение подтверждалось, кроме того, еще частым применением этого слова в переводе Библии и 2 раза в Шестодневие Иоанна, экзарха Болгарского, а также ссылкой на первоначальную летопись под 1015 годом, где говорится об убийстве князя Бориса Влади-

¹ Успен в Древностях, издававшихся М. Археол. обществом (1881), 101, Заметка о древних русских деньгах, считает возможным видеть в древних шейных гривнах меховое оплечье.

² Преображенский. Этимологический словарь. 158. Срезневский. Словарь, I, 588.

мировича и его отрока «его же любяше повелиху Борисъ, бѣ бо вѣложилъ пань гривну велику злату».¹ Вообще же в русских памятниках, и притом в самых ранних свидетельствах, гривна встречается лишь в качестве денежной единицы, как, например, под 6390 годом: «Съже Олыгъ пача города ставити... и Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривнъ 300 на лѣто мира дѣля».² Я усматриваю подтверждение моей мысли о необычности употребления слова гривна на русском языке в смысле украшения в цитате из Ипатьевской летописи, правда, несколько более позднего времени, а именно XIII века: «И милостынею, яко гривною утварью златою украсуся».³ Как-будто бы весовое значение гривны более раннее, чем украшение, если вспомнить место из летописи от 1147 (6655) г. «Отторгаша на немъ (на князе Михаиле) крестъ и чепи, в гривну золота».⁴ Здесь почему-то не сам предмет, шейное украшение, а лишь вес его обозначается в гривнах. Такого рода наблюдения наводят на мысль, что и гривна славянская «о жерелье», как слово «скот», имела свой омоним в каком-нибудь скандинавском слове и что словесная форма денежной — сперва счетной, затем весовой гривны — была заимствована вместе с платежным знаком, ею обозначавшимся.

Уже Круг, а затем Погодин предполагали нечто подобное, но мысль свою далее не проследили.⁵ Впервые высказали на этот счет свою догадку Эрдман и Муравьев, но очень неотчетливо,⁶ затем Гутцейт,⁷ который производит слово гривна от древнескандинавского слова *grīr*, которое обозначает в древнешведском движимое имущество, по-норвежски в форме *gjer* драгоценность (*Kleinod*), по англо-саксонски в форме *grīra* горсть (*Handvoll*), сноп (*Garbe*), что родственно немецкому *Griff* (хватка).⁸

Такого рода словопроизводство очень близко подходит к смыслу гривны Русской Правды, которая не могла быть особенно велика, так как состояла из 20 ногат — монет. Это словообразование русской ранней гривны из

¹ Лаврентьевская летопись. Шахматов, 170, 13; Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (1863), 22. Сводку употребления этого обозначения сравни у Казанского, 107—8, и у Мрочка, 53—65.

² Лаврентьевская лет., Шахматов, 24, 5. Нач. свод. Ср. 10. Новгородский свод у Шахматова, Розыскания, 612—11.

³ Издание 1908, 924.

⁴ Лаврентьевская лет. (1897), 301, 19.

⁵ Krug. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, II, 274—275. Погодин. Исследования, замечания и лекция, III, 283.

⁶ Муравьев. Исторические исследования о древностях Новгорода, 34; Эрдман, Труды и летописи VI, 1833.

⁷ Gutzeit, вышеназванная статья.

⁸ H. S. Falk und A. Torp. Norvegisch-dänisches ethymologisches Wörterbuch.

шведского grîrg или англо-саксонского grîra я пока что могу предложить лишь в качестве гипотезы.¹

Древнейшая гривна, встречающаяся без всякого определения и обозначающая денежную единицу, употребляется в новгородских официальных памятниках вплоть до 1232 (6740) г.,² во Владимире еще позже, в постановлениях церковного собора 1274 г.³ Затем она исчезает. Но уже с 1137 г. в уставной грамоте Святослава, дарованной Новгородской епархии, появляется в виде ее конкурента «гривна новых куп»⁴ («Того дѣля установилъ есмь св. Софїи, ать смелеть пискупъ за десятину отъ вирь и продажъ 100 гривень новыхъ купъ, иже выдаваеъ Домажирѣчь из Овѣга») и она же в Мирном договоре Новгородцевъ с Готландцами (1189—1199), где она именуется уже гривной серебра в противоположность гривне ветхих или старых куп.⁵ Из этого же памятника мы узнаем о соотношении между старой и новой гривной, сравнивая между собою ставки штрафов Русской Правды со ставками штрафов Мирного договора. Это вполне возможно сделать, не смущаясь тем, что в Мирном договоре денежные штрафы являются всегда частным возмещением, а не наказанием за преступление, идущим в пользу князя, так как дело идет здесь об иностранцах. Также привлеченными лицами, согласно особым условиям в сношениях с иностранцами, являются иные категории людей, чем в Русской Правде. В результате сравнения оказывается, что если расценка идет в Мирном договоре в старых гривнах куп, то ставка совпадает с соответствующей ставкой в параллельных статьях Русской Правды. Если же она учитывается в гривнах новых, в гривнах серебра, то сумма уменьшается в 4 раза, что дает нам право признать гривну Русской Правды в 4 раза меньше, чем платежная единица последующих веков.

Такая параллель может быть проведена без всяких оговорок в отношении статей о «пихании»:

Кр. Правда I ред. § 13: «Аще ли ринеть мужъ мужа любо отъ себе, любо къ себѣ, 3 гривнѣ».

Распр. Правда § 36: «Аче попъхнеть муж мужа... то 3 гривны продажъ».

¹ Запрошенный мною автор работы о славянских заимствованиях с германского Стендер-Петерсен отнесся к моему предположению отрицательно.

² Новгородская I летопись (изд. 1888), 240, 15.

³ Памятники др.-русс. канонического права, 92.

⁴ Владимирский-Буданов I, 217; Бенешевич, 99.

⁵ Владимирский-Буданов, 94, гривна старых куп, ст. 4, 5, 7, 8, и гривна серебра, ст. 2, 3 и 15. Ст. 14 упоминает просто «гривну» без определения. Я думаю, в противоположность Goetz'u, Handelsverträge, 60—62, что следует и здесь понимать гривну старую.

Мирный договор § 6: «Оже упихнеть, любо мятель раздрьть, то 3 гривны старые».

Согласно ст. 5 об увечье Мирный договор знает лишь один штраф 6 гривенъ за рану старые» (6 гривен старых), беря среднюю ставку из ставок Распространенной Правды (25, 27 и 34 ст.), где благодаря введению детализации указаны штрафы в 3, 6 и 12 гривен, смотря по серьезности нанесенного вреда.

Другие статьи Мирного договора, в которых речь идет о старых кунях, не имеют параллелей по той простой причине, что на Руси предусматриваемые этими статьями преступления разбирались церковным, а не светским судом. Так как в отношении иноверцев последняя возможность отпадала, то в договоре создавались новые нормы.

Присмотримся теперь к статьям, которые в Мирном договоре пользуются гривной серебра для определения размеров штрафа. За убийство свободного мужа полагается, согласно ст. 3 Русской Правды, 40 гривен: «Аще ли будеть русинъ, или грьдѣнь, любо купцѣ или ябетникъ, или мечъник, аще ли изъгой будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». В той же статье 3 Мирного договора читаем: «А оже убьютъ купчину Новгородца или Пѣмчина купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра».

За привилегированное лицо как в Правде, так и в договоре полагалась двойная ставка. Так в Краткой Правде, во II редакция, и в Распространенной Правде за убийство огнищанина, за княжеского тиуна и мужа, за старого конюха у стад полагалось 80 гривен (ст. 1, 4, 5 и Распр. Пр. ст. 5). По Мирному договору привилегированными оказываются послы, переводчики и попы (ст. 2 и 15), и за их убийство взимается 20 гривен серебра.

Итак, 40 гривен старых кун равны 10 гривнам серебра, а 80 равны 20, что устанавливает соотношение между старой гривной и новой серебряной, как 1 : 4.

Существование переходного периода, когда возможно было расплачиваться в двух валютах объясняет нам и появление в Распространенной Правде обозначения «гривна кун». Очевидно прибавление к гривне определения «кун» должно было подчеркнуть старую сущность гривны в противоположность новым платежным знакам. Характерно, что выражение «гривна кун» встречается лишь в статьях, не перенятых из Краткой Правды (ст. 21, 26, 30, 56, 88, 103, 105, 140).

Все это убеждает нас, что в времена составления Краткой Правды гривна не измерялась на вес, что естественно для гривен золота и серебра.

Такое наблюдение подтверждается знакомством и с другими источниками. Золотая гривна встречается впервые в житии Феодосия, написанном между 1074 и 1091 г. «Тыгда же блаженный призвать иконома подати ему гривну злата, глаголя... Сице шедъ купи на потребу братии».¹ Серебряная гривна появляется впервые в грамоте вел. князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю от 1130 г. «А се азъ Всеволодъ далъ есмы блюдо серебряно въ 30 гривныъ серебра святому же Георгіеву».²

Но несмотря на то, что гривна Русской Правды была лишь счетной, представляемой своими фракциями, приравнение ее к $\frac{1}{4}$ гривны серебра Мирного договора заставляет предположить, что она была тоже серебряной, хотя и другой. Подтверждение этого факта мы находим в наименовании самой крупной из ее фракций, ногаты.

До того как дольше остановиться на значении последней, необходимо несколько задержаться на попытке исследователей установить вес гривны X в. на основании данных из договоров с греками.³ Согласно последним, за нанесение удара мечом или коньем полагался штраф в 5 литр: «да того дѣля грѣхъ заплатити серебра литръ 5, по закону Русскому».⁴ Так как под византийской литрой можно только понимать римскую либру весом в 327.456 г, то, очевидно, за данный проступок должно было платить 1 кг 637 г 280 мг серебра (5×327.456). Имеющееся пояснение в тексте «по закону Русскому» можно толковать и как относящееся исключительно к взиманию денежного штрафа вместо телесного наказания,⁵ полагающегося за это по византийским законам, и как определяющее одновременно также размер ставки денежного наказания. Если последнее предположение верно, то обращаясь к Русской Правде как к закону русскому, нормы которой создавались, вероятно, еще X в., мы находим 12 гривен, полагающиеся за нанесение удара тупым орудием.⁶ Тогда легко исчислить вес гривны, и ее следует признать единицей, весом в 136.44 г ($1.637.280:12$),

¹ Житие Феодосия, Киево-Печерский Патерик (изд. 1911 г.), 36.

² Владимирский-Буданов, I, 112—113; Казанский, 124, приводит свидетельство Густынской летописи от 6680 г.: «Искупил Василько (Володарь Перемышльского) за двадесять тысящъ гривенъъ серебра», во я этого места в летописи не нашел.

³ Казанский, 114; Мрочек-Дроздовский, 74; Ключевский. Курс, I, 267.

⁴ Лаврентьевская зет., Шахматов, 58, 14; при Олеге 35. 19.

⁵ Сергеевич. Лекции и исследования (1903), 642. «По закону русскому» относится не к определенному количеству литр, как это уже было замечено Элерсом, а к денежной плате вообще, так как по греческим законам оскорбление действием наказывалось иначе. «Еще решительнее Кауфман. Русский вес 74—76, и Записк. Нум. отделения Арх. общества, I.

⁶ Сергеевич, I, ст. 7 и 8: «Аще кто кого ударитъ батогами или жердью, или пастью, или чашею, или рогами, или тылесею, то 12 гривенъ... Аще утнеть мечемъ, а не вынезъ его, либо рукоятю, то 12 гривенъ за обиду».

безразлично, сама ли она весила столько, или же в совокупности своих частей. Такого рода выводы Ключевского и других ученых теряют очень много в своей убедительности, если вспомнить, что в договорах с греками имеется большое количество неясностей, требующих бесчисленного числа оговорок и толкований и поэтому чрезвычайной осторожности при пользовании их данными.¹ Мне лично представляется затруднительным решить вопрос, следует ли слова «по закону Русскому» отнести только к норме наказания, или также к размеру ее ставки. Укажу, однако, на мотивы за и против выведения гривны Русской Правды из договоров с греками. За это говорит необходимость предположить конкретность в мышлении русских. Они вряд ли представляли себе «закон русский» абстрактно как норму, допускающую изменение своих ставок. Раз признан закон русский, то уже во всей его полноте. И далее, раз сделано в этой статье отступление договаривающимися от греческого обычая расплачиваться золотой монетой, помисмой (златницей) и ставку установили в серебре, то естественно придерживаться и количества серебра, привычного руссам. Противоречит же такому предположению сложность подсчета: написанию греческого текста должен был предшествовать метрологический расчет, какой я произвел только что, что тоже мало вероятно. Поражает равным образом то обстоятельство, что летописец употребил при переводе на русский язык греческое обозначение «лптра», а не применил русского слова гривна, в то время как в русских оригинальных текстах вообще и в самом договоре в частности греческого обозначения денег не встречается. В случае необходимости употреблялись постоянно нейтральные выражения, как, например, златник. И еще одно соображение чисто метрологического характера, к которому вернусь в дальнейшем: весовая величина в 136.44 г (около 31 золотника) до сих пор была неизвестна и ее не увязать ни с какими весовыми системами. Впрочем возможно также предположить, что весовая единица серебра в договорах, не будучи византийской лятрой, была равной гривне Правды, но выражалась в других единицах веса, почему и получается странное соотношение, как $1:2\frac{2}{5}$.

Происхождение наименования наиболее ценной фракции гривны, ногаты, не подлежит ныне, на мой взгляд, никакому сомнению. Ногата слово арабское, обозначающее в форме «нагд» полноценную и палочную монету, деньги.² Преобразование произошло на русской почве, вероятно,

¹ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, 28.

² Freytag Lexicon arabico latinum (1837), IV, 320; Lane. Arabic-english lexicon (1893), VIII, 2836; Dozy. Supplement aux dictionnaires arabes, 1881. Справками в лексической литературе обязан моему коллеге Р. Р. Фасмеру.

в таких стадиях: пагд, пагод, нагаг, ногат, ногата, последнее по аналогии с гривна, куна, резана.¹ Само название «хорошая монета» (предполагающее существование дурной) и стоимость ее лишь на дробь выше следующей единицы указывает на то, что она моложе других единиц и стала отличаться от других, когда те по какой-то нам неизвестной причине ухудшились. Различие в весе между ними, судя по названию, при этом как-будто бы роли не играло. В наших письменных памятниках XI и XII вв. ногата встречается значительно чаще, чем куна XI в., которая затем вовсе исчезает как $\frac{1}{25}$ гривны. Внутреннее достоинство ногаты может быть определено лишь на самих вещественных памятниках, на монетах.

Вторая фракция гривны «куна» старше ногаты. Она, вероятно, и была той единицей, которая при некотором падении своей стоимости еще до составления Русской Правды вызвала в жизнь единицу, ставшую к ней в такое неудобное при расчетах отношение. Но мне кажется вполне логичным предположить, что куна первоначально составляла $\frac{1}{20}$ гривны, и затем только превратилась в $\frac{1}{25}$. Это же падение сделала вслед за ней и ее половина, резана. Доказательством того, что именно куна, подвергшаяся дважды уменьшению своей стоимости — раз в X в., другой раз в XI в. — была до XI в. основной денежной единицей в русском прошлом — служит, конечно, то обстоятельство, что обобщающим местным названием для денег стала именно она во множественном числе.

Все эти соображения, кажушиеся, на мой взгляд, неоспоримыми, сталкиваются со словесной формой наименования, несомненно заимствованного от племени лесного зверька. Мы его теперь называем купницей и мех ее, по всем имеющимся у нас источникам, был излюбленным объектом вывоза. Архангелогородская летопись, древний первоисточник, который несомненно заменяет слово «куна» других летописей — купницей.² В то же время древнейшая переводная литература употребляет слово «куна» в смысле зверька и его меха: «Корькодилы чьтяху и змеш, куны же и рыбы, оть бесловесны чьсти бесчьстие себѣ обрѣпающе», сентенция, имеющаяся в памятнике

¹ Первый, указавший на вероятность такого производства, был нумизмат-восточник барон Тизенгаузен в Записках Восточн. отд. Р. Арх. общ. 1886, I, вып. I, 238—239. Обосновал это предположение Мелиоранский в Зап. Акад. Наук, II отд., VII, (1902), 2—298, и Преображенский, Этимологический словарь, 610; Трутовский, Что такое ногата, в Древности восточных IV, (1913) на мой взгляд дополнил уже имеющиеся взгляды, не упомянув впрочем о них, лишь указанием, что арабское «нагд» происходит в свою очередь от арабского глагола «накада» — сортировать деньги, отбирать хорошие экземпляры. Все другие его соображения не нашли сочувствия ни у специалистов нумизматов, ни у палеографов.

² Лейбович. Сводная летопись, 22, 24.

1073 г., в Изборнике Святослава.¹ Другой пример находится в Древнем слове на четырехдесятищцу: «Куны и портъ на изъядение молю».² Очень возможно, что именно этот смысл присущ и слову «куны» в Лаврентьевской летописи под 6693 (1185) годом, когда описывается пожар во Владимире на Клязьме: «вымыкаше изъ церкви на двор до всего, а и с терема куны и книги и паволоки», так как куны здесь названы наравне с легко сгорающими, дорогостоящими предметами; куны в данном случае, очень вероятно, пубы, которые еще и в недавнее время при деревенском пожаре спасали в первую очередь. Однако обычно, когда в оригинальных русских памятниках XI и XII вв. идет речь о лесном зверьке и его мехе, и этот смысл благодаря контексту не подлежит сомнению, прибавляется уточняющий эпитет. Так, когда Олег берет с древлян дань, он берет ее не купами, а «черными кунами» (Лаврентьевская летопись 6391 г.) «поча Ольгъ воевати на Древляны, и примучивъ я, имаше на нихъ давь по чьрнѣ кунѣ».³ То же говорится об Ольге, когда она установила побор с жениха «по чорной куне»⁴ или когда Святослав уступает дань деревьскую Свинельду в 6430 г.⁵ Такое же словоупотребление удостоверяется уставной грамотой Ростислава Смоленского 1150 г., в которой встречаются куны, как в смысле денег («а се даю святѣй богородицы и епископу прашеники съ медомъ, и съ кунами, и съ вирою, и съ продажами»;⁶ так и в смысле меха: «а у Торопчи урока: 40 гривень и 15 лисицъ и 10 черныхъ кунъ».⁷

Из сделанного только что наблюдения возможно, на мой взгляд, сделать лишь один вывод, что обозначение денежной единицы, представлявшей, смотря по времени, 20, 25 или 50 частей металлической гривны, стало настолько употребляемым словом, что требовалось, при обозначении зверька, присоединять какой-либо определяющий его эпитет, в данном случае черный. Вот почему куны — деньги являются в памятнике XII в. в противо-

¹ Срезневский, Словарь III, 1864.

² Там же, 1865. Потебня ставит в связь корень слова «куна» с корнем «ква» — становиться крепким. Этимол. заметки III, 84. То же И. И. Толстой в Доностровской нумизматике, II вып. Монеты Пскова (1886), 10 и 11 прим. от слова «ковать». Сравни Шугасевский. Старая монета (1912). На мой взгляд возможно предположить народную этимологию, которая способствовала внедрению наименования меха для обозначения монеты.

³ Шахматов, 24, 8.

⁴ Шахматов. Раскольниковый список у Татищева (Изд. II, 45, прим. 185).

⁵ Комиссионный список. Шахматов, 373, 10. Он же. Розыскания, 543, 16, древнейший Киевский свод 1039, в редакции 1073 г.

⁶ Владимирский-Буданов, I, 219; Бенешевич, 102.

⁷ Там же, 225; ср. также Ипатьевскую лет. под 1160 (6668) г. (1908), 504, лист 180 б. «Да бо Ростиславъ Святославу соболми, горнестании и черными кунами и песци и белыми волки и рыбы ими зубы»; Бенешевич, 107.

положность натуральным поборам «истыми» кунами, когда устанавливается в пользу епископа десятина «от всѣхъ даней Смоленскихъ» («что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ»).¹

Сходно с кунной словоупотребление веверицы и векши, наименования современной белки.² Когда речь идет о зверьке, в противоположность фракции гривны, к слову прибавляется эпитет «белый». Так, мы читаем в Лаврентьевской летописи (6367: «Казаре имаху на Поляхъ и на Стверѣ и на Витичахъ; имаху по бѣлѣ вѣверицы отъ дыма»).³

Понимая под кунами металлические деньги, или, вернее, даже монеты, только и можно себе представить вполне конкретно, как Владимир предлагал варягам подождать пока сберут куны по две гривны с человека или как он приказывал раздавать нищим куны от скотиниц. Теперь также понятно обращение Феодосия к княжескому кучеру, которого он велит сперва накормить, а затем: «еще же и кунами тому дасть, отпусти п»,⁴ или, например, запрет в переводном памятнике Антиоха: «Куны твои не даси въ лихву». ⁵ Равным образом можно, понимая под веверицей монету, представить себе, что на нее можно было в XII в. купить церковную свечу.⁶

Веверице и векше посчастливилось больше других частей гривны, так как находятся переводные тексты, где она дословно передает греческое *λεπτόν* и византийский нумий. Последний обозначает медную единицу, переставшую уже с VII в. быть реальной, чеканной монетой. Лишь 40-кратная стоимость ее, *фоллис*, выпускалась в XI в. в виде медной монеты, сильно колеблющейся в весе и размере.⁷

Если прежде и были какие-либо основательные сомнения в правильности признания за кунной системой Русской Правды металлической сущности, то теперь, с установлением происхождения слова ногата, последние сомнения отпадают. Впрочем, для XIII в. у нас имеется веское пояснение слова «куны» в договоре Смоленска с Ригой от 1229 г.: «Аже будѣтъ свободѣныи человекъ убить, 10 гривенъ серебра за голъву (а за гривну серебра

¹ Владимирский-Буданов, I, 219.; Бенешевич, 102.

² См. Преображенский «вѣверица и векша». Первое слово имеется почти во всех славянских языках, векша же, помимо украинского, является словом областного говора русского языка.

³ Лаврентьевская лет., Шахматов, 19, 3. Софийская л. заменяет «и по бѣлѣ вѣкшицѣ».

⁴ Житие Феодосия. Чтения Общества люб. ист. и др. р., 1899, II, зс. 29

⁵ Срезневский. Словарь III, 1365.

⁶ Вопросавия Кирика. Памятники др. р. канон. права (1908), I, 24.

⁷ Срезневский. Словарь, I, 485 и «δύο λεπτόν» двою вѣкшу.

4 гривны кунами или пенязи)». ¹ Раз куны XIII в. могли обозначать пенязи, Pfennige, денарии, то и в X в. они могли служить обозначением для серебряной валютной единицы того времени.

Причину же того, что зверек или его мех дали имя монете, нельзя себе объяснить иначе, как первоначальной устойчивостью расценки кунных и белчьих мехов у восточных славян на какую-либо определенную единицу. Меня в этом отношении несколько не смущает раннее свидетельство Ибн Руста, «что одна кунца равняется $2\frac{1}{2}$ диргем». ² Здесь названа цена меха, покупаемого арабскими купцами в Болгарах, в Южном Поволжье или на Каспийском море, вероятнее всего у варягов, может быть у славянских князей или у других купцов — разбойников и вымогателей. На местах, где только и могло сложиться новое словоупотребление, сами охотники получали при продаже своих шкурок по 1 диргему за шкуру кунцы и может быть $\frac{1}{4}$ диргема за мех белки. ³

Считая доказанным, что «скот» является варяжским обозначением для денег, т. е. для ходячей монеты того времени, а «куны» славянским, местным для них же, следует в дальнейшем ознакомиться с вещественным выражением их и притом в той форме, как они выявляются в нашихкладах и представлены в наших пумизматических собраниях. При этом важнее всего будет проследить на этих памятниках те изменения, которые мы имели случай отметить при изучении памятников письменности.

Монетное обращение Восточной Европы в IX—XII вв.

До XIV в. Восточная Европа не знала непрерывного монетного обращения. Наиболее древней монетой, обретающейся здесь, были монеты греческих колоний, однако, повидимому, большее распространение вглубь страны, чем греческий и греко-скифский чекан на сравнительно узкой полосе Черноморского побережья, имели только римские императорские денарии I—III вв.

На смену римским денариям не пришли новые денежные знаки. Только в начале IX века арабский диргем стал интенсивно проникать в Восточную

¹ Goetz. *Handelsverträge*, 236—237 b, из рукописи D.; Гетц особо подчеркивает значение этой редакции, как хорошо выдержанной в знании русских юридических оборотов. Русско-ливонские акты, 405 и сл.

² Хвольсон. Ибн Даста, 24—25.

³ Я никак не могу понять, как Ключевский, I, 268, мог цены, встречающиеся случайно у одного восточного автора, использовать в качестве свидетельства стоимости куны вообще. Хотелось бы, чтобы к материалу о ценах впрямь подходили авторитетнее.

Европу и превратился для местного населения в объект накопления, а может быть также и в металлическое платежное средство. Как показало за последнее десятилетие внимательное изучение восточных кладов, «хождение куфических монет на территории б. России... продолжалось всего только около 200 лет, и кладов, зарытых в VIII в., до сих пор не найдено, а найдены только монеты VIII в. в кладах, зарытых в IX в.»¹ Действительно, самый ранний клад, найденный в Кривянской станице Донской области в 1894 г., можно отнести лишь к 810 г., так как повеишая монета, входившая в его состав, чеканена в 805—806 г. н. э.² Затем на коротком расстоянии времени отмечены и изучены 5 кладов с диргемами сходного состава с Кривянским. Этот второй монетный период длился до первой трети, много до середины XII в. Я отношу последнюю группу кладов с немецкими пфеннигами к последнему десятилетию XI и к самому началу XII в. Наиболее поздний клад, найденный в 1913 г. в деревне Спанко б. Петергофского уезда, можно приурочить к 1120 г., так как в его состав входили пфенниги императора Генриха V (1105—1125).³ На смену этим монетам не пришли другие, ни местные, ни чужие. Вследствие этого надо предполагать, что старые монеты ходили несколько дольше, чем показывают это клады. Но говорить, как это изредка встречается в археологической литературе, о находках монет XIII в. не приходится: такого рода сведения основаны либо на недоразумении, либо на простом незнании монет.⁴ Никто из нумизматов этих монет никогда не видел.

Но так как совсем без обращения драгоценных металлов, в особенности без серебра, население — думаю, преимущественно высшие слои его и обитатели городов — обойтись не могло, и так как обмен местных товаров с заграницей продолжал осуществляться с сохранением излишков в драгоценных металлах, на смену монетам пришли серебряные слитки, которые так или иначе ходили в XII, XIII и XIV вв. Их было так много найдено, зарегистрировано и изучено в течение последних ста лет на территории СССР — вес их я расцениваю в 300 кг серебра, — что средневековую Восточную Европу можно поистине назвать страной обращения

¹ Фасмер. Об издании топографии находок куфических монет. Изв. Акад. Наук, 1933, 476.

² Фасмер. Клад куфических монет, найденных в Новгороде в 1920 г. Изв. ГАИМК, IV, 267; Марков. Топография кладов восточных монет (1910), 137, № 8.

³ Bauer. Der Fund von Spanko, в Zeitschrift für Numismatik (Berlin, 1926); Он же. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts. В том же журнале (1929 и 1930) Bd. XXXIX und XL, 75 n. 12, und 197. Изв. Археол. ком., вып. 52, дополн. 6—7.

⁴ Bauer. Russische Funde, 126, прим.

слитков по преимуществу.¹ С наиболее же поздними монетами, немецкими пфеннигами XII в., слитки этих веков не находились, что частично объясняется территориальными особенностями обращения тех и других. Лишь слитки XIV в. изредка находятся с монетами золото-ордынских ханов, да и то всего больше в стенной полосе.

На границе монетного и безмонетного периода и была составлена III редакция Русской Правды, Правда Распространенная, почему в некоторых статьях ее автор считал нужным отметить, что гривна, на которую он ведет счет, — гривна монетная, кушная, в противоположность новой, серебряной. Однако, как видно из предыдущего, эпоха образования обычного права и фиксирование его затем в Русской Правде, хотя полностью и совпадает с монетным периодом русского прошлого, но ни в отношении состава монет, ни в отношении территории, ими охватываемой, однообразной названа быть не может. Налицо две основные группы монет и монетных систем, которые приходят на смену друг друга, причем, однако, последнее происходит не вдруг, а постепенно. Первая — арабские или, как их часто называют из-за особенности их письма, куфические дирхемы, лишенные всяких изображений; очень многочисленны также их части, падающие сотнями и тысячами. Происходят эти дирхемы из самостоятельных и полусамостоятельных государств мусульманского Востока и чеканены самыми разнообразными династиями и еще гораздо более многочисленными правителями и временными узурпаторами, легальными монетными дворами, мастерскими фальшивомонетчиков и подражающими восточному чекану кочевниками Восточной Европейской равнины. Появление на рубеже XI в. новой западноевропейской валюты приходится полностью или частично объяснить убылью арабских дирхемов, которая в свою очередь связана с наступившим на Востоке серебряным кризисом.² Новая валюта была представлена западноевропейским денарием, который теоретически был однороден во всех странах и связан с монетной реформой Пипина Короткого и Карла Великого. Эти пфенниги или денарии происходили преимущественно из Германии и в меньшем количестве из Англии. Дроблению и разрезанию они подвергались гораздо реже, чем более крупные дирхемы; чеканенная половина пфеннига — обол встречается также редко. Пфенниги здесь обращались, судя покладам, уже в два последние десятилетия X в., но по их малочисленности цельных кладов

¹ Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters в Numismatische Zeitschrift (Wien, 1929—1931); Ильин. Топография серебряных и золотых слитков (1921), введение.

² Марков. Топография, введение; Vasmer, Dirhem, 146 (2) в Schröter. Handwörterbuch der Münzkunde (1930).

из них составить было нельзя. Таковые образовывались уже в XI в., хотя в первой трети наполовину и более были смешаны с диргемами. С середины же века мы можем говорить только об обращении кладов из пченингов, так мало встречается диргемов в кладах второй половины века.¹ В переходный период конца X и начала XI вв., попадали на Русь и византийские милларисии, но, судя по кладам, в самом ограниченном количестве и почти всегда в поломанном виде.² К этому же времени, ко второй половине княжения Владимира, следует отнести выделку собственных русских монет, очень немногочисленных серебряников и совсем единичных златников. Происхождение последних из кладов вовсе неизвестно, серебряники же встречались как в смешанных кладах арабо-западноевропейского происхождения, так и в двух исключительно русских.³ В кладах всего монетного периода изредка встречается весовое серебро — будь то в слитках и в их частях, будь то в виде серебряного лома. Слитки неопределенные, разнообразных фасонов и размеров и малоопределенного веса. Лишь немногие из них по весу и форме связаны с дальнейшим развитием слиткового обращения в XII в.⁴ Части ломаного украшения и ломаной посуды (?), которые столь часто встречаются и притом в большом количестве в кладах полабских и поморских славян, а также в Скандинавии, что побудило немецких ученых создать специальный термин *Hacksilberfunde*, напротив, в русских кладах весьма редки и малочисленны. Выделяется в этом отношении один только Полоцкий клад, зарытый приблизительно около 1060 г.⁵ Отсутствие хождения серебряного лома объясняется на Руси естественной и медленной сменой диргемов денариями, в то время как в названных выше странах стала ощущаться убыль восточной монеты уже во второй половине X в. Для изучения Русской Правды такое явление, как отсутствие платежных единиц исключительно весового характера, особенно важно, так как лишний раз оттеняет счетную природу ее гривны в противоположность сменявшей ее весовой гривны серебра.

Пришедшие ранее других монет на русскую равнину арабские диргемы и положили начало кунной системы. Этому способствовало и их чрез-

¹ Bauer. *Russische Funde*, 210; Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. Изв. ГАИМК, V, 15, 296; Проблемы истории докапиталистических обществ, № 9—10 (1935), 238.

² Bauer. *Russ. Funde*. 210.

³ Ильин. Топография кладов древних русских монет (1924), 15, № 22 и 12, № 8.

⁴ Bauer. *Silber- und Goldbarren*, 81 (5) и 84 (3), п. 9—11 и п. 17; Ильин. Топография слитков, введение.

⁵ Bauer. *Russ. Funde*, 149, п. 65; Ильин. Топография слитков, 15, № 10. Отчет Археол. Комиссии (1909—1910), 201, 252; Bauer. *Silber- und Goldbarren*. 84 (8), п. 11.

вычайно большое количество, завезенное в В. Европу (не говорю уже о Скандинавии и западнославянских землях): На сегодняшний день известно 750 находок с диргемами,¹ которые обычно далеко немалочисленны, хотя, конечно, Муромский клад в 2 п. 23 ф. весом и не может считаться рядовым явлением.²

При этом не следует забывать, что дошедшие до нас сведения о найденных диргемах, на самом деле, составляют лишь незначительную часть общего количества завезенных монет, так как клады выкапывались в течение многих веков, изучены же были лишь таковые в XIX и XX вв. Кроме того большое количество диргемов послужило металлом как для изготовления украшений в эпоху их завоза, так и для отливки слитков последующих веков. Нельзя вследствие этого усомниться, что на такой широкой базе могла развиться привычка пользоваться монетой и денежным счетом. Насколько глубоко она проникла в толщу населения — сказать невозможно. Кратковременность выпуска русских монет в начале XI в. и переход на обращение серебряных слитков, когда иссяк прилив чекапенного металла как с Востока, так и с Запада, скорее свидетельствуют о роли монеты в качестве объекта накопления, нежели необходимого в хозяйственной жизни страны платежного средства.³ Впрочем, Русская Правда с ее дифференцированной системой указывает на то, что правящий класс был на Руси, как и на Западе, проводником денежного обращения.

Раз диргем был древнейшей куней, то встречающиеся в наших кладах части следует признать другими единицами кунной системы. Сравнительно легко выделяемы резаны, когда они имеют вид половины диргема. За резаны, вероятно, надо признать и те правильно обрезанные кружочки, которые обнаружены за последнее время в довольно большом числе в целом ряде кладов. Особенно много было их в Березовском кладе 1910 г., в Стародзедзинском кладе,⁴ а также в еще неизданном Безлюдовском Харьковского района.

¹ Фасмер. Об издании топографии, 476.

² Марков. Топография, 5. № 28.

³ Отсутствие на Руси собственного чекана — монеты конца X и начала XI в., конечно, не могут идти в счет — продолжалось, как известно, вплоть до самого конца XIV в., почему, напр., желание Павлова. Книги законные 25, видеть в замене русского перевода указаний оригинала на наказания фальшивомонетчиков наказаниями «списавшим живые грамоты» аргумент в пользу датировки перевода греческих судебников еще в Киевском периоде не основательно. Еще почти весь XIV в. не знал подделывателей монет, так как отнести к фальсификаторам слитков частного производства статьи греческих законов вряд ли можно. Указанием на Павлова я обязан В. И. Бенешевичу.

⁴ Vasmer. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. Kungl. Vitterhets Historie och antikvitets Akad. Handlingar. Stockholm (1929), 21—24.

Веверица по кладовому материалу представляется мне столь же неопределенной единицей, каковой она выявилась и в анализе письменных источников в отношении других частей гривны. Все части диргема, меньшие чем его половина, входили, вероятно, в категорию вевериц, даже если она теоретически оценивалась в $\frac{1}{4}$ диргема. Дальнейшим индивидуальным переговорам и определению на глазок предоставлялась ее более точная расценка. Я не согласен с предположениями Черепнина, который с антикарскими весами в руках установил, на основании одного лишь случайного клада, «определенную кратность весовых отношений» между группами этих мельчайших обломков в $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$ и $\frac{1}{40}$ диргема.¹ Такую точность в весе предполагать для того времени мы не имеем никакого права. При большом же количестве, где каждая неточность составных частей могла в общем стать ощутительной, на помощь, конечно, приходили весы и гирьки, которые, хотя и в небольшом количестве, все же встречаются на русской территории. Возможность разлома диргемов объясняется сравнительно большим диаметром (в среднем 26 мм) кружков и их относительной тонкостью, отсутствие же чеканенных фракций естественно вызывало на такого рода манипуляции из-за дороговизны металла в те далекие от нас времена.

Благодаря существованию наименования ногаты мы имеем возможность проследить весь ход развития денежного обращения. Вероятно, первоначально в IX в. продавцы мехов, меда и воска брали исключительно хорошую монету, отклоняя вовсе прием дурной, на что указывает и аккуратный состав куфических кладов этого времени. На Востоке уже и в это время обращалась не одна полноценная монета, что удостоверяется специальной, очень развитой терминологией. Так, диргем чистого серебра назывался джайид (Djayyid); диргем сильно лигатурный заиф (zaif) или галла (Ghalla); диргем скверного серебра частвой выделки или уже демонетизированный — бахрадж (Bahradj, Nabahradj); диргем из меди, покрытый тонким слоем серебра — саттук (Sattuk); диргем сомнительного серебра, очень распространенный в VIII—X вв., хорасани (Khorasani).² Сокращение на восточных рынках числа хороших диргемов заставляло население Восточной Европы согласиться на приемку наравне с хорошей, также и скверной монеты, которая, сохранив прежнее наименование куны, стала, однако, приниматься по более низкой цене; хорошие же диргемы выделялись как ногаты и за ними оставалась их прежняя расценка в $\frac{1}{20}$ гривны. Соображения эти подтверждаются появлением в кладах X в. заметного количества монет дурного серебра.

¹ Черепнин. Коростовский клад 1892 г. в изданиях Рязанск. арх. ком. Отд. оттиск, б.

² Vasmer, в Handwörterbuch der Münzkunde, 146 (I).

Ставшие в них очень многочисленными резаны и векши последовали за кунной в ее падении. Новые монеты, денарии, начавшие проникать с Запада в конце X в., как по своему весу, так и по своему размеру, сходному с обрезанными в кружок диргемами, не могли внести никаких изменений в денежный счет. Одно только следует подчеркнуть, что в виду полного оттеснения купы и выделения резаны во II редакции Краткой Правды, последняя вряд ли была зафиксирована ранее заметного наплыва денариев в Восточную Европу, что, судя покладам, произошло не ранее 40-х годов XI в.¹ Половинки же диргемов из наших кладов вряд ли могли выполнять эту роль как по своей малочисленности, так и по малой определенности своей формы. Изменение произошло, да и то только формального характера, когда с середины XI в. хороший и дурной дергем, т. е. куна и ногата, стали совсем редкостью, и налицо оказалась одна резана — денарий. При этом и территория, куда завозились эти западноевропейские деньги, сильно сузилась в сравнении с прежним объемом денежного обращения. Теперь это был преимущественно район Финского залива и южнее его, вглубь страны, — верховья Двины, Волги и Днепра.² Здесь, где, как в Новгороде, Пскове и Смоленске, немецкие денарии продолжали попрежнему прибывать, резана естественно превратилась в монету по преимуществу, т. е. в куну. Вот почему Распространенная Правда и перешла к этому наименованию для прежней хорошо известной резаны. База для этого создавалась во второй половине XI и в начале XII вв.

В других частях Восточной Европы, где монеты исчезли вовсе, сохранился старый счет на ногаты и резаны, как мы это видим в статье о приплоде Карамзинского списка, но без реального знака расплаты. Понятно, что на юге Руси, раньше чем на Новгородском и Смоленском севере, появляются слитки серебра, киевские определенные шестиугольные гривны весом в 158 г., которые при больших платежах могли заменить собою монету. Впрочем весовой их характер и в таком случае должен был преобладать.

Хотя вкладах II половины XI в. и гораздо реже, чем в конце X и начале XI вв., встречаются обломки монет, но все же веверица — векша не вовсе исчезла. Помимо кусочков определенного веса и формы имеются среди немецкой монеты и чеканенные обобы (Halblinge), являющиеся по весу половиной целого денария.

Выяснив совпадение между денежными единицами, встречающимися в древнейших письменных памятниках и существующими в натуре монетами,

¹ Bauer. Russ. Funde. 195; Проблемы, 238.

² Там же. 207.

ходившими в В. Европе с XI—XII вв., нам остается еще установить стоимость счетной гривны Русской Правды, выраженной в серебряных частях ее. Русские исследователи XIX в. во что бы то ни стало стремились добиться такого рода выводов и были, на мой взгляд, в этом отношении совершенно правы,¹ в то время как исследователи XX в. удовлетворялись констатированием факта существования гривны и гривны серебра и не спрашивали себя, что это могло по существу значить.² Не задаваясь вовсе целью определять товарные цены того времени, все же возможно, при обилии находимого на русской территории драгоценного металла, установить выражение их в серебре. Спрашивается, какими же источниками мы располагаем при разрешении этой задачи?

На первом месте упомяну древнейшее указание Мирного договора 1189—1199 гг. на соотношение между гривной серебра и гривной старых кун, как 1:4. Других сведений такого характера явные памятники письменности не содержат, за исключением так наз. статьи о бесчестии, о которой ниже. Из археологического материала я на первое место считаю нужным поставить дошедшие до нас серебряные слитки. С одной стороны, их очень много, с другой стороны, значительный вес их позволяет пользоваться ими с большей уверенностью, чем монетами. К тому же они, на мой взгляд, в метрологическом отношении были лучше изучены. В отношении слитков смущает исключительно вопрос об их пробе: к сожалению до сих пор не удалось подвергнуть все сохранившиеся экземпляры точному анализу.

На втором месте из теоретических соображений следует поставить весовые гирьки. Преимущество их состоит в том, что они относятся к более раннему периоду, к обращению монет до XII в.; слитки же могут лишь ретроспективно осветить интересующий нас вопрос. Но материал гирек, найденный на русской территории и хранящийся в русских музеях, не разработан и не сведен. Поэтому я пользуюсь исключительно иностранными данными.

На последнее место я вынужден при изучении весовых отношений отодвинуть, как это ни странно, монетный материал. При средневековом способе чеканки монет *al marc*o, — т. е. проверка чеканившихся монет производилась лишь на весовую единицу — марку, а отдельные экземпляры не выверялись, — они не могли по существу своему быть достаточно однородными. Затем следует учитывать для датировок 200-лестний, для дена-

¹ Например, Прозоровский. Монета и вес в России.

² Кулишер. Очерк истории русской торговли (1923). Goetz тоже отмахивается от этого вопроса, ссылаясь на малоопытного Прозоровского.

риев 150-летний срок монетного дела. За это время и на столь обширных территориях, на которых они выпускались, произошло чрезвычайно много изменений и колебаний в области выделки монеты. Для немецких денариев, например, мы знаем, что уже в 882 г. существовали две различные основные единицы серебра: одна для Майнца, другая для Регенсбурга, из которых исходили при чеканке монет.¹ Так обстояло дело только в одной Германии, мы же должны принять во внимание находимые у нас англосаксонские, датские и др. денарии. Может быть хуже еще дело обстояло с диргемами. Достаточно авторитетных и детальных анализов монетного серебра тоже не производили. Итак, считаю почву для удовлетворительных обобщений еще далеко не подготовленной, и вследствие этого свожу в своем исследовании роль монет в весовом отношении к роли очень важного проверочного материала.

Ко времени составления Мирного договора с готландцами на Руси обращались, судя покладам, два сорта слитков определенного веса. Более ранние из них были упомянутые мною выше киевские гривны со средним весом для 376 экз. в 157.87 г каждая.² В отношении их не может быть более никакого сомнения, что они южные, а не северные. А. А. Ильин продолжал в 1921 г. ту работу по топографии находок,³ которой так не доставало И. И. Кауфману в 1906 г. и после которой Кауфман вряд ли бы так уверенно настаивал на некоторых из своих выводов.⁴ Из 48 находок с шестигранными гривнами 20 падает на территорию самого г. Киева, 15 на ближайшие окрестности его, 1 на б. Полтавскую губ., 5 на б. Волынскую, 3 на г. Чернигов и только 4 находки отмечены вне названной местности. При этом 2 клада, далеких от Киева, — Задрутинский (Могилевский) и Тверской — настолько огромны по количеству серебра, что им можно дать название *Depotfunde*, которое более показательно для вывезенной казны и имущества, чем для денежного обращения внутри выпускавших их областей. В Киевском же районе постоянно встречаются в самостоятельных находках то по одной, то по две гривны. Хотя эти слитки и наверное относятся к XII в. и даже к началу его, о чем свидетельствует, например, Киевский клад из усадьбы Гребеновского, в состав которого входили монеты Алексея I и Иоанна II Комнинов (1081—1143), но все же в виду их южного происхождения о них речь не могла идти в договоре готландцев

¹ Hilliger. Gold-und Silbergewichte im Mittelalter. Blätter für Münzfreunde, 1930.

² Bauer. Barren, 107 (31), Tabelle 4.

³ Ильин. Топография слитков, введение и карта.

⁴ Кауфман. Русский вес, 66.

с новгородцами. Вторая группа слитков, менее многочисленная, может быть и более поздняя по времени, вероятнее всего также относится к XII в. Эти слитки расплющены и по форме своей являются дальнейшим развитием некоторых слитков XI в. Что-то общее имеется у них по виду и с киевскими, от которых они однако сильно отличаются,¹ главным образом, своим весом. 75 известных и изученных экземпляров весят в среднем 197 г. Этот вес расплющенных слитков, прежде именовавшихся без всякого для того достаточного основания черниговскими, крепко связывает их с новгородскими гривнами XIII, XIV и первой половины XV вв.; 193 новгородских слитка — палочки XIII в. весят в среднем 197.11 г,² а 260 таких же слитков двух последующих веков — 196.89 г.³ Хотя новгородские гривны находились в течение всего XIX в. по всей территории России, правильность данного им наименования подтверждается как упоминаниями в памятниках письменности, так и в изобразительном искусстве.

В уставах новгородской ганзейской фактории св. Петра XIV в. не раз встречается в качестве платежных знаков «*stucke silvers*». Мы читаем, напр., в IV редакции этих уставов или скры: также следует дать священнику в год 10 кусков новгородского серебра (*Item sal men dem prestere geven des jares X stucke nauwersches sulvers*).⁴ Изображены же эти слитки на иконе Георгия, раздающего свое имение нищим, иконе, которая исследователями единогласно относится к Новгородской школе иконописцев XIII в.

Этих данных, по моему мнению, достаточно, чтобы признать новгородские гривны и их предшественников, расплющенные слитки весом в 197 г, именно за те гривны серебра, о которых говорится в Мирном договоре и которые в 4 раза больше гривен Русской Правды. Стоимость последней гривны в серебре равнялась таким образом 49.25 г. Что же касается чистоты гривны Русской Правды в монетах, то она, в виду лигатурности последних, должна была быть ниже наших новгородских слитков; хотя для последних и не имеется в моем распоряжении пробы для всех дошедших до нас слитков, но все же имеющиеся немногочисленные данные говорят о чистоте их металла даже выше 937 на 1000, традиционного процента западноевропейского средневекового серебра, когда 15 лотов серебра шло на 16 лотов общего веса марки. Только в XIV в. появляются указания на

¹ Bauer. Barren, 111 (35), 116 (40).

² Там же, 62 (46).

³ Там же, 67 (51).

⁴ Schlüter. Die Novgoroder Skra (1914), Text, 161, Register 58 (2); Goetz. Handelsgeschichte, 356.

чистоту и на легатурность слитков-марок. Имеются следующие пробы слитков веса 197 г, сделанные на Моветном дворе в XIX в.: для слитков Рязанского клада 1828 г. получилось 969 на 1000; для слитков Новгородского клада 1850 г. 989 на 1000, для слитков Стародубского клада 1873 г. 980 на 1000 и для интересующих нас в особенности расплюснутых слитков — клад Мышеловки 1896 г. 925 на 1000. Нет никаких оснований предполагать, хотя бы по общему виду новгородских гривен, что дальнейшие анализы могут опровергнуть предположенную чистоту серебра приблизительно в 950 на 1000.¹ Анализ, сделанный для неопределенных слитков XI в. в Гос. Эрмитаже, показывает ту же высокую пробу серебра.

Полученный мною вес гривны Русской Правды в 49.25 г. должен, однако, быть чем-нибудь исторически засвидетельствован, т. е. ему должен быть найден его родоначальник, должно быть доказано историческим путем его происхождение.

И. И. Кауфман² искал традиционный русский вес, так же как и Арне древний норманский вес, на Востоке.³ Кауфман считал вполне естественным, что вместе с монетами занесен был в древнюю Русь и восточный вес, который он думал опознать и встретить в полуфунтовых слитках. Но он вовсе не интересовался существованием другой гривны, гривны Русской Правды, бывшей в обиходе задолго до появления серебряных слитков. Гривну серебряную он называл домонгольской, причем был знаком с ней не по археологическим памятникам, а из схематизированных рассуждений нумизматов.

Но так ли уже обязательно признавать арабов за учителей древнего населения Восточной Европы в отношении веса, как это думал Кауфман? Про арабов, например, мы не имеем ни одного свидетельства, что они отправлялись вглубь страны, за Волгу. На мой взгляд гораздо естественнее признать норманнов носителями этих навыков: они прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн Фодлан,⁴ говоря о руссах, что они массами накапливали диргемы и, набрав 10 000 штук, одаривали жен своих цепями. Норманны доставляли эти же диргемы в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Полюпу и к другим западным славянам. Вот если бы Арне был прав, что норманский вес также восточного происхождения, тогда пришлось бы искать в указанном И. И. Кауфманом

¹ Luschn. Allgemeine Münzkunde (1926), 181; Bauer. Barren 64 (48), n. 118, 68 (52), n. 126, 70 (54), n. 136 и n. 147, 114. (38), n. 93.

² Кауфман. Русский вес, 85.

³ Arne. Ein persisches Gewichtssystem in Schweden в «Orientalisches Archiv» (1912). 122—127; Arne. La Suede et l'Orient (1914).

⁴ Гаркави. Сказания восточных писателей, 93—94.

направлении. Но пока вес гривен в 197 г там как-будто бы не встречался, хотя он и близок к полуфунту иракского веса.

Обычно норманский вес связывается с западноевропейскими античными традициями, а их денежный счет с англо-саксонским денежным обращением, которое отчасти и создано под давлением самих норманнов. Кроме того наиболее ранние сведения о положении дел у норманнов мы узнаем из англо-саксонских законов и договоров с этими нашествиями IX—XI вв.

Как раз знакомство с новейшей метрологической литературой северных стран, отчасти проработанное в Германии, дает совершенно удовлетворительный ответ насчет происхождения веса наших слитков весом в 197 г.

Исходным пунктом для понимания денежных и весовых систем Средней Европы является, конечно, римский фунт в 327.288 г, заключавший в себе 12 унций, весом в 27.288 г каждая. Во второй половине VIII в. римский фунт исчезает и точные весовые данные появляются снова лишь начиная с середины XIV в. К этому времени всюду счет идет на марку, различную в каждом городе, но всегда похожую на марку соседнего города. Над сведением этих многочисленных и разнообразных марок к первоначальной марке потрудились очень многие исследователи, и, как мне кажется, ныне она найдена.

За 500 лет отсутствия точных данных о весе серебра, с исчезновением римского фунта, его место заняли две единицы. Сперва, во второй половине VIII в., фунт Карла Великого и затем, в XI в., — марка, причем обе единицы существовали друг подле друга и обе употреблялись как в качестве веса, так и в качестве денежного счета.

Новая весовая единица — марка — происходит из Скандинавии, так как впервые в ней, или, вернее, в ее половине (*healfmarc*), норманны высчитывали в 880 (890) г. причитающийся им откуп с англо-саксов.¹

В поисках за весом каролингского фунта и первоначальной марки исследователи, на мой взгляд, пришли к одному очень цепкому результату. Они уверились, повидимому, в том, что попятные изменения в весе или, вернее говоря, переходы от различных систем античного веса к другим античным же, продолжавшим жить в варварском обществе вплоть до 1000 года, можно лишь исходя из меньших единиц, чем фунт, а именно из унции и из ее делений.² При помощи этого же приема удалось — я думаю, на этот раз окончательно — установить вес каролингского фунта в 409.3 г, как

¹ Schrotter. Handwörterbuch der Münzkunde, 371; Liebermann. Gesetze der Angelsachsen, II, 578.

² Hiltiger. Der Ursprung der Mark. Numismatische Zeitschrift (1929), 14.

15-кратное римской унции в 27.288 г, что давно уже подозревали ученые разных национальностей, базируясь на традиционности этого веса на юге Франции.¹

Делимый в весовом отношении на 15 единиц каролингский фунт как единица денежного счета распадался на 20 солидов-шиллингов по 12 денариев-пфеннигов (= 240 денариев); счет этот сохранился по сю пору в денежной системе Англии и окончательно внедрился там с X—XI вв.

Этот счет и в других случаях остался более стойким, чем вес фунта в монетах. На основании расчетов вергельда (X в.) в Мерсии, сведения о котором сохранились в более поздних памятниках, выясняется, что из фунта в 409.3 г стали очень рано выделять 250 денариев, вместо прежних 240, т. е. денарий уже более не весил 1.7055 г (= scoti Раффельштеттенского устава), а всего 1.638 г. При сохранении счета на 240 денариев вес фунта уменьшился до 392.94 г, который и был принят норманнами, как показывают северные весовые гири, за высшую единицу веса в их расчетах с англо-саксами.

Исключительный скандинавский счет шел на марку, которая равнялась 8 эрам по 3 эртуга (= 24 эртуга).² Если разделить вес пониженного каролингского фунта на 16, т. е. на двойное число эры в марке, получится на каждую эру 24.558 г (392.94 : 16).

Полученный теоретическим путем вес эры в 24.5 г удостоверяется найденными в Швеции гириками, изданными Зеебомом³ и Арне,⁴ причем особенно много их было найдено на о. Готланде. На двух гириках весом в 24.35 и 23.62 г (последняя несколько повреждена) имеются 3 точки или кружка, которые заменяют собой надпись наименования эры (эра, как известно, распадалась у шведов на 3 эртуга). Кроме того найдено еще 3 гирилки без точек, весом в 24.65—24.25—24.23 г. Другие многочисленные гирилки с точками и без точек, изданные Арне, указывают как на

¹ Hilliger. Die Daursteder Karolingergewichte, 166—175, особенно 171—172.

² Н. Hildebrand. Sveriges Miteltid, 755.

³ Fr. Seebom. Tribal custom in anglosaxon law, 235—36; A. Steinnes. Smist um Norsk vekt fyre år 900 в Avhandlingar det Norske videnskaps-Akademi i Oslo, 1926. Hist-filosofisk klasse n 5. устанавливает в качестве основного веса гирику в 3.972 г. Знакомством с содержанием этой статьи я обязан аспиранту Гос. Эрмитажа М. М. Дьякову, который любезно согласился ее мне перевести; Ср. Hilliger. Ursprung der Mark, 19.

⁴ Стараясь вынести норманскую весовую систему из иракского фунта, Арне (Ein Persisches Gewichtssystem) ошибается, усматривая в наименьшей весовой единице вес в 4.25 г, в то время как гирилки дают нам право заключить лишь на 4 г. Это отметил в своей статье Hilliger, Frankfurter Münzzeitung, 1930, n. 3, 39. Как каролингский фунт, так и иракский одного веса здесь же мы имеем дело с пониженным весом, как и в наших якобы полуфунтовых слитках, которые на самом деле весят 197 г, а не 204 г.

основную, самую мелкую весовую единицу на гирьку в 4 г, значит в $\frac{1}{2}$ эр-туга и $\frac{1}{6}$ эры ($6 \times 4 = 24$).

Скандинавская марка в 197 г была затем повсеместно заимствована в Европе, так как давала возможность легкого подсчета как на старый золотой вес, так и на новый каролингский серебряный. Несмотря на изменения, которым затем подвергалась марка, 197 г удержались в качестве торговой весовой марки в Келье XII и XIII вв., а также во многих северных городах. В Стокгольме этот вес выплывает в XIII в. уже в виде марки в 210.62 г. и сохранился по сей день. Вес марок других шведских городов колеблется между 210 и 218 г.¹

Четвертая часть марки, которая была принята у нас под названием гривны, мне пока не встречалась в англо-саксонских источниках. Вряд ли, однако, это может служить веским доказательством против происхождения гривны из марки, раз она является двойной эрой. В расчетах цельная марка до XI в. тоже не встречается. Ее место занимают то $\frac{1}{2}$ марки в 4 эры, то сама эра, то, наконец, счетный скиллинг, который ведь и в наших памятниках встречается в виде латонного цыляга.² Очевидно, из частей марки то одна, то другая принималась за основу веса, смотря по обстоятельствам и смотря по особенностям монетных единиц. Углубленное занятие с этой целью английскими и скандинавскими источниками может быть и укажет на 2 эры как на ходовую единицу веса.

На основании добытых результатов возможно установить содержание серебра и в частях русской первоначальной гривны.

В Краткой Правде

	950 на 1000	Чистое серебро
Гривна	49.25 г	46.79 г
Погата, $\frac{1}{20}$ гривны	2.46 »	2.38 »
Куна, $\frac{1}{25}$ гривны	1.97 »	1.87 »
Резана, $\frac{1}{50}$ гривны	0.98 »	0.93 »
Веверица, $\frac{1}{100}$ гривны	0.49 »	0.47 »

В Распр. Правде

	950 на 1000	Чистое серебро
Гривна	49.25 г	46.79 г
Погата	2.46 »	2.38 »
Куна, $\frac{1}{50}$ гривны	0.98 »	0.93 »
Векша, $\frac{1}{100}$ гривны	0.49 »	0.47 »

¹ Hilliger. Ursprung der Mark, 14; Hauberg P. Myntforhold og Udmyntningar i Danmark indtil 1146 (1900), 146.

² Шахматов, 24, 15 и 75, 16; Архангелогородская лет., Лейбович, 75, 8.

Я совершенно сознательно не привел расчета для времени до падения куны и появления ногаты, так как о расхождении весового фунта у норманнов со счетным мы узнаем лишь из Мерсийского вергельда X в. и поэтому рождение марки в 197 г и, следовательно, нашей гривны в 2 зры мы можем отнести только к этому веку.

Обращаясь для проверки достигнутых результатов к богатейшему монетному материалу, имеющемуся в нашем распоряжении, приходится констатировать, что он с интересующей нас точки зрения почти не изучен и не сведен, не говоря уже о полном отсутствии химического анализа кладового материала. Что вес диргемов не даст нам удовлетворительного ответа, можно уже вперед предположить как на основании свидетельства Ахмеда Тусского (правда, для XII в.), что на Руси не было весов,¹ так и из существования во времена Русской Правды одной лишь основной счетной единицы, чем была у нас гривна в противоположность Западу, где мы постоянно встречаемся как со счетными, так и с весовыми единицами. Объясняется такая односторонность лишь тем, что при разнообразии пробы в монетах отпадает смысл взвешивания их и приходится на-глаз определять при счете полноценность или пизкопробность получаемых денег. Судя по восточным источникам, джайид, т. е. высокопробный диргем IX в., стал в X в. содержать лишь 716 частей чистого серебра вместо прежних 963 и 972.² Для диргема, теоретически долженствовавшего весить 2.97 г, И. И. Кауфман вывел на основании Берлинского и Парижского собраний средний вес в 2.84 и 2.74 г, что совпадает с моим расчетом, сделанным на основании Новгородского клада 1920 г.,³ где наиболее частый вес диргема равен 2.86 г. Если вспомнить, что колебание веса кладовых диргемов в X в. стало чрезвычайно заметным, а обрезанность — постоянным явлением, то возможно допустить, что содержание серебра в диргемах этого времени населением Восточной Европы учитывалось в размере 2.46 г вместо полагавшихся на диргем IX в. 2.86 г (исходя из расчета 950 частей на 1000).

Судить о количестве серебра в пизкопробном диргеме X в. еще труднее и более гадательно, чем в отношении ногаты. Данные Фасмера указывают для X в. на чистый вес в 2.05 г (исходя из 716 частей на 1000 при весе 2.86 г), что почти совпадает с моим подсчетом чистого веса в 1.97 г

¹ Марков. Конспект русской нумизматики: «Весов там нет, есть только определенные слитки».

² Vasmer в *Handwörterbuch der Münzkunde* Schrotter'a, 146 (1).

³ Кауфман. Русский вес, 83—87; Фасмер. Новгородский клад 1920 г. в Изв. ГАИМК, IV, 242—276, ср. Vasmer, *Handwörterbuch*, 145, 1.

для куны. Но насколько трудно определить средний вес дурного диргема конца X и начала XI в., особенно наглядно видно на примере русских серебрянников. Они несомненно принадлежат к категории диргемов как по размеру, так и по своему весу. В виду их чрезвычайной редкости и нумизматической ценности, их до сих пор еще не подвергали химическому анализу, но самый вид их металла говорит о чрезвычайно скромном содержании серебра. На основании хорошо сохранившихся экземпляров Эрмитажного собрания средний вес их по типам колеблется от 2.99—2.77 г (Владимир, I тип 13 экз. = 2.90; II тип 31 экз. = 2.77; III тип 24 экз. = 2.88; IV тип 13 экз. = 2.90; Святополк, 19 экз. = 2.92; Ярослав, II тип 4 экз. = 2.99). Расхождение между весом отдельных экземпляров чрезвычайно большое, а именно от 4.68 до 1.46 г, что свидетельствует об исключительно перыпливом изготовлении этого сорта монет.

Иначе дело обстоит в отношении резаны, поскольку выражением ее в действительности служил западноевропейский денарий.

На Западе до конца XI в. падение ценности монеты проявилось не столько в сокращении драгоценного металла в сплаве, сколько в уменьшении стопы при выделке денариев. Мы имели уже случай убедиться, как вследствие этого норманнский фунт с веса в 409.3 г упал до 392.94 г, а норманнская марка с 204.45 г до 196.47 г. Итак, необходимо найти в наших кладах денарий со средним нормальным весом, равняющимся весу серебра в 0.98 г, т. е. денарий, равный нашей резане. Приходится, однако, еще раз повторить, что в западноевропейской метрологии в отношении интересующих нас монет вопрос этот еще не разрешен. Не имеется точных данных среднего веса для денариев из различных германских монетных дворов X—XI вв., для Англии и для Скандинавских стран. Исходным пунктом должен служить вес каролингского денария в 1.705 г, упоминаемый, как семидрагма и скоти в Рафельштеттенском уставе.¹ Затем известно, что начинается падение веса денария во всех странах, и этот более легкий денарий воспринимается молодыми народами за образец, смотря по времени начала собственной чеканки. Естественно вспомнить в первую очередь о немецких пфеннигах как самой многочисленной монете в наших кладах XI века. Весовых сводок по кладам в литературе я пока не встречал. Имеются лишь три таблицы, иллюстрирующие вес немецких денариев, происходящих из всевозможных германских монетных дворов, составленные известным экономистом Инама - Штернегг на основании коллекционных денариев. Эти

¹ Hilliger, Duursteder Gewichte, 171.

таблицы использованы в новейшее время Борном и сопровождаются им ниже-
следующими выводами. Все сорта монет встречаются и в нашихкладах.¹

Таблица 1

Вес пфеннигов, выпущенных до 983 г.

Сорт пфеннигов	Колич. экз.	Вес ниже 1 г	В 1—1.2 г	В 1.2—1.4 г	В 1.4—1.6 г	Вес сверх 1.6 г
Кельнские	26	—	1	11	10	4
Франковские . . .	21	1	1	10	2	7
Швабские	36	1	4	11	12	8
Баварские	48	2	3	10	7	16
Итого .	121	4	9	42	31	35

Таблица 2

Вес немецких пфеннигов, выпущенных от 983 до 1056 г.

Сорт пфеннигов	Колич. экз.	Вес ниже 1 г	В 1—1.2 г	В 1.2—1.4 г	В 1.4—1.6 г	Сверх 1.6 г
Кельнские	113	9	18	40	37	9
Франковские . . .	116	44	50	7	13	2
Швабские	114	17	38	39	17	3
Саксонские	226	97	37	61	26	5
Баварские	144	13	27	40	41	28
Итого .	713	180	170	187	194	42

Сравнение обеих таблиц показывает, что падение стопы в XI в. сделало значительные успехи. Количество тяжелых денариев сильно уменьшилось. Оно упало на 6%. Денарии весом ниже 1 г почти все чеканены за это время. Процент этих денариев поднялся с 3 до 25%, а процент легких денариев весом в 1—1.2 г поднялся с 11 до 49%. Процент средних по весу денариев в 1.2—1.6 г упал с 60 до 45% и процент свыше 1.6 г до 6%. Средний же вес 121 экз. X в. равняется, согласно тем же выводам, 1.49 г, 713 экземпляров первой половины XI в. — 1.23 г.

¹ Inama-Sternegg. Deutsches Wirtschaftsgeschichte, Bd. II, 449; ссылка у Born, Das Zeitalter des Denars (1924), 134—36.

Таблица 3

Вес немецких пфеннигов, выпущенных после 1056 г.

Сорт пфеннигов	Количество	Ниже 1 г	1—1.2 г	1.2—1.4 г	1.4—1.6 г
Кёльнские	25	1	2	10	12
Франконские корол. . . .	5	5	—	—	—
» еписк.	15	12	3	—	—
Саксонские корол.	25	16	6	3	—
» еписк.	38	35	3	—	—
» герцог.	24	23	1	—	—
Итого .	132	92	15	13	12

Вес денариев из франконских монетных дворов колеблется между 0.82 и 0.9 г, саксонских между 0.8 и 1.4 г, при среднем в 1.06 г. Лишь кёльнские денарии значительно тяжелее, что подтверждается данными д-ра Геверника,¹ который указывает на колебание последних пфеннигов в пределах 1.13 — 1.47. Я считаю, что на круг, при сравнительной малочисленности вкладах тяжелых кёльнских пфеннигов этого времени, можно для II половины XI в. остановиться на среднем весе немецкого денария в 1 г, что близко подходит к 0.98 г определенного нами теоретически веса.

Пожалуй, еще важнее, чем на многочисленных немецких пфеннигах, остановиться на англо-саксонском и скандинавском монетном деле, продукция которого в нашихкладах занимает по своей численности второе место. Как я уже выше имел случай указать, Англия в этом отношении имела решающее значение, благодаря снабжению норманнов чеканными деньгами. Она в то же время служила примером при возникновении собственных скандинавских монетных дворов, начало деятельности которых относится, также как и у русских, к концу X и началу XI вв. Типы этих монет до 1050 г. всецело английские, а фактура весьма родственная.

Монетное дело в Англии постоянно нормировалось и контролировалось из центра, о чем свидетельствуют как однохарактерность самих монет, так и дошедшие до нас распоряжения английских королей. Вес этих денариев приравнивается исследователями для времени Этельреда II (978—1016). к 1.46 г.² Для проверки этого веса можно пока воспользоваться каталогом

¹ Письмо молодого исследователя, сотрудника Гамбургского музея.

² Hauberg, цит. работа, французское резюме 263.

Британского музея¹ и каталогом Гельсингфорского музея.² Средний вес денариев из первой коллекции равняется 1.43 г, из второй 1.41 г. при 378 и 440 экземплярах. Наибольшая частота в первом случае 1.45 г, во втором 1.35 г. К сожалению описание монет наиболее многочисленного Стокгольмского собрания не сопровождается весовыми данными. Гильдебранд извешивал лишь весьма ограниченное число денариев по отдельным типам и наблюдал колебание средних между 1.31 г и 1.64 г, что указывает на правильность приведенного выше предполагаемого веса в 1.46 г.³ Косвенным подтверждением этого веса для англо-саксонского денария первых десятилетий могут служить и 5 цельных ныне известных экземпляров монет Ярослава Мудрого скандинавского типа, из которых 4 хранятся в Стокгольме и весят 1.57; 1.55 г 1.37; 1.34; г; одна же весом в 1.49 г находится в Тарту в частных руках.⁴ В среднем для 5 экз. получаются те же 1.46 г. Естественно предположить, что этот совершенно новый чекан русского князя, по внешнему своему виду очень схожий с англо-саксонским, в метрологическом отношении верно отображает положение монетного дела второго десятилетия XI в. в Англии, до изменений стопы при Кануте Великом (1016—1035), о которой я сейчас буду говорить.

При изучении типов монет Этельреда II и Канута уже Лелсвель считал возможным говорить о хронологической последовательности типов на их монетах. Новейшие работы, в особенности же издание англо-саксонской коллекции Гельсингфорского собрания Нордманом, доказали это с полнейшей очевидностью на основании типологического и кладового материала. Подходя таким образом к монетам Канута, оказывается, что типы, признаваемые исследователями ранними, придерживаются еще стопы Этельреда II. Правда, их очень немного в нумизматических кабинетах. 5 экземпляров Гельсингфорского собрания имеют в среднем вес в 1.42 г, 15 же экземпляров Лондонского 1.26 г. Монеты же трех последующих типов Канута весят в Гельсингфорсе 1.03 г при 255 экз., в Лондоне 1.11 г. при 550 экз. Проверка при помощи наибольшей частоты дает тот же результат.⁵ Перед нами несо-

¹ Catalogue of english coins in the British Museum II (1893), 208—241.

² Nordman. Anglo-saxon coins found in Finland (1921), 32—53.

³ Br. E. Hildebrand. Anglosachsiska Mynt i svenska Kongliga Myntkabinettet funna sveriges Jord (1881), 29—32. К сожалению описание отдельных экземпляров не сопровождается весовыми данными, почему этот обильный материал менее ценен в метрологическом отношении, чем данные меньших коллекций.

⁴ Ср. Ильин. Топография кладов древнерусских монет X—XI в. (1924), табл. рядом с изображением Ярослава, III, без номера. Текст № 33 — 35. Письменные сообщения проф. Арне из Стокгольма и нумизмата Резвова из Тарту.

⁵ В British Museum, II, 255—301; Nordman, 59—73.

мелкое изменение стопы, что находит свое отражение также и в родственном датском чекане самого Канута и в шведском Якова Алуца (1022—1050). Для датских монет уменьшенного веса Hauberg указывает в среднем 1.14 г при падении индивидуального веса некоторых денариев даже ниже 1 г.¹ После Канута монетная стопа падает еще ниже, и вес нашей резаны в 0.98 г уже слишком высок для точной идентификации ее с денариями сыновей Канута — Гарольда и Гартакнута (1035—1042) и со сравнительно многочисленными в нашихкладах монетами Свена Эстридсена (1047—1075).

Как будто бы, судя по этим данным, внедрение на русской территории счета в 50 резан на гривну падо, таким образом, искать около 1025 г.

Насколько, однако, трудно, исходя из самих монет, судить о их нормальном весе, видно хотя бы по шведской нумизматике времен короля Олафа Скотконунга (1013—1022). Беру для примера наиболее многочисленный тип его монет. В собрании Гос. Эрмитажа их 16, колебание веса в отдельных экземплярах от 2.93—1.47, средний вес 2.28; в Гельсингфорсе их 14, колебание 2.64—1.65 г, средний вес 2.01.² Для всех 30 экземпляров получается в среднем 2.16 г. Проверить полученный результат посредством учета наиболее часто встречающегося индивидуального веса из-за больших колебаний в отдельных экземплярах невозможно. Как объяснить средний вес шведских монет этого времени, исходя из западноевропейской нумизматики, не знаю, так как свыше 1.82 г европейские денарии вообще не весили.³ Судя по гирькам, найденным на шведской территории, вес этот мог бы равняться $\frac{1}{4}$ эруга. В нашей гривенной системе они подходят ближе всего к куне — к весу чистого серебра в низкопробном диргеме 1.97 г. Но надо сказать, что шведские монеты в нашихкладах пока не обнаруживались, хотя количество их в Эрмитажном собрании сравнительно с другими собраниями очень почтенно.

Остается только еще раз повторить, что имеющийся в моем распоряжении изученный монетный материал как восточный, так и западноевропейский не опровергает полученных мною данных о содержании серебра в гривне и ее частях, хотя полного совпадения в дециграммах мною для последних в X в. и начале XI в. получено не было. Может быть в этом вино-

¹ Hauberg, 151—54. Подобно Hildebrand'у этот автор тоже дает лишь колебание веса отдельных экземпляров и свои метрологические соображения насчет датских монет приравнивает к предполагаемому северному весу марки в 218 г. (XIII в.). Кроме того вес датских монет разбит по различным монетным дворам.

² Forteckning anteliska Myntsamlingens. Helsingfors. Svenska Mynt (1908), 3—5.

³ Hauberg, 269; Hilliger. Die Durrstader K-gewichte, 172.

вата не только недостаточная изученность нашего монетного материала в метрологическом отношении, но и некоторая нечувствительность весовой процедуры того времени, которая, по мнению крупнейшего немецкого нумизмата Гроте, разницу в дециграммах плохо учитывала.¹

Не лишним будет отметить для определения стоимости куны в последующие века, что, согласно моего предположения, гривна серебра (в XIV в. новгородский рубль) содержала 200 кун (197 г: 0.98), а половина ее (т. е. московский рубль) 100 единиц, и что это выясняет нам происхождение русского денежного счета, никак, на мой взгляд, поныне удовлетворительно еще не объясненного.

Гривна золота

Кроме обозначения гривны и редкой, встречающейся только в Распространенной Правде гривны кун мы читаем там же в статье об испытании железом и водою о расчетах на золотую гривну. «Тако же во всёх тяжах, а татбѣ и въ покленѣ, аже не будетъ лица, то тогда ему желѣзо изъ неволѣ до полугривны золота. Аже ли мнѣ (мене), то па воду, оли то до двух гривень. Аже мене, то ротѣ ему итти по своѣ куны».² Речь идет, следовательно, о различных формах выяснения истины, когда нет налицо свидетеля. При этом тяжесть этих форм становится в зависимость от значительности спорного имущества: когда последнее оценивается выше полугривны золота, тогда предусматривается испытание железом; за ценимое в полугривну золота и ниже до двух гривен полагается испытание водою; при оценке ниже двух гривен суд удовлетворяется простою присягою. Так как в Русской Правде это единственное упоминание о гривне золота, то приходится за разъяснением обратиться к другим источникам. Севернорусские памятники за рассматриваемый период золотых гривен не упоминают. Южнорусские, напротив, начиная со второй половины XI в., таковую знают. В виду не особенной многочисленности этих цитат, приведу их все. Из жития Феодосия Печерского, относимого исследователями к 1074—1091 г.: «И се възлезе свѣтъль отрокъ... положивъ же на стѣлгѣ гривну злата... излезе вонъ. Тгда же блаженный призвавъ иконома подасть ему гривну злата глаголя... Сиде шедъ купи на потребу братни». Далее: «И се же пакы ишъ боляришъ... обѣщася въ умѣ своемъ глаголя: яко аще възвращуся съдравъ въ домъ свой, то дамъ святѣи богородици... двѣ гривныъ золота».³

¹ Luschin. Allgemeine Münzkunde, 198.

² Сергеевич, II, 24 (II).

³ Житие Феодосия. Киево-Печерский Патерик (1911), 36 и 39.

Лаврентьевская летопись под 1096 г. (Поучение Мономаха): «И Олег... вдахъ отцю (в Чернигове) 300 гривенъ золота».¹

Ипатьевская летопись под 1146 (6654) г.: «И ту отступи его (Святослава Ольговича) Иванко Берладник къ Ростиславу Смоленскому князю, вземъ у Святослава 200 гривенъ серебра, же 12 гривени золота».²

Лаврентьевская под 1147 (6655) г.: «Михаля же бьюще, и отторгаша на немъ крестъ и чеши в гривну золота».³

В Ипатьевской вариант: «а въ нем гривна золота».⁴

Лаврентьевская летопись под 1155 (6663) г.: «Вкова (Андрей) в ню (в икону) боле тридесять гривенъ золота».⁵

Ипатьевская летопись 1158 (6667) г.: «Глѣбъ же вда (обители) въ животѣ своемъ со княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота».⁶

Из этих цитат можно сделать тот вывод, что гривна золота являлась денежной единицей, на которую можно было купить, напр., продовольствие. Вероятно также, что в действительности она была одним предметом, который мог быть взят и положен. О ее стоимости мы непосредственно из приведенных свидетельств ничего не узнаем, хотя Мрочек пытается на основании Ипатьевской летописи от 1146 г. установить соотношение между гривной золота и серебра, как $1:16\frac{2}{3}$ (200 серебр. гривен к 12 золотым гривнам). По его мнению, союз «же» однозначущ с современным «то есть» (значит), так как может читаться, как «оже», «еже». Тогда Иван Берладник взял со Святослава по 200 гривен серебра и 12 гривен золота, а лишь 12 гривен золота, выраженные в 200 гривнах серебра.⁷ Такое предположение кажется мне по двум причинам маловероятным. С одной стороны, соотношение золота к серебру, как $1:16\frac{2}{3}$, кажется мне чрезвычайно высоким. Мы узнаем из западноевропейских памятников для XIII в. о соотношении в $1:11$ или 10 ,⁸ когда стали уже выделять золотую монету и цена этого металла могла даже подняться, в виду большого спроса на него. С другой стороны, укажу на постоянное совместное упоминание в русских памятниках обоих металлов, как, например, в свидетельстве от

¹ Издание 1897, 289, 8 и 9.

² Изд. 1908, 888.

³ Изд. 1897, 801, 19.

⁴ Изд. 1908, 352.

⁵ Изд. 1897, 329, 2, 3.

⁶ Изд. 1908, 493.

⁷ Мрочек, 96.

⁸ Hilliger. Augustalis — Florenus — Dukatus, отд. оттиск из Blätter für Münzfreunde, 1931, 26.

1158 г., причем, однако, число гривен меняется и из него нельзя вывести никаких постоянных соотношений. На меня эти места производят впечатление не столько исторических сведений, сколько заученных стилистических приемов. Цену гривны золота пытались не раз установить на основании еще одного памятника, именно статьи о бесчестии. Она встречается то как дополнение к Русской Правде, то к Судебнику царя Константина (к юридическому памятнику, переведенному с греческого). Мрочек относит эту статью ко времени до середины XII в.,¹ Ключевский к XIII в.² Если бы последняя датировка была крепко обоснована, я мог бы этой статье вовсе не касаться в моем исследовании, так как вижу в пользовании разновременными источниками со стороны русских исследователей главную причину неудачи толкования нашей древней денежной системы. Сомнительность ее датировки, в противоположность уставу Ярослава, при помощи которого она комментируется и который должен в дошедшей до нас редакции быть отнесен из-за употребления слова рубль к XIV в., вынуждает меня несколько остановиться и на ней. Эта «бродячая» статья, как называет ее Ключевский в своем курсе, гласит следующим образом: «А за безчестную гривну золота, аже будет баба была въ золотѣ имати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота; аже будет баба была (или не была) в золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра; а за гривну серебра полъ осмы гривны кунъ». Отмечу, что с точки зрения содержания статьи слова «аже будет баба была» в других списках передапы «не была».³ Против этой статьи, как она до нас дошла, уже говорит выражение «быть в золоте», которое нигде более не употребляется и требует еще толкования. Но если даже допустить, что быть в золоте обозначает «быть благородным», то момент чрезвычайно резкого различия по породе — в одном случае гривна золота, в другом за бесчестие гривна серебра, на мой взгляд, никак не позволяет отнести статью ко времени Русской Правды. Далее, с точки зрения упоминаемых денежных единиц тоже получается маловероятное соотношение между гривной золота и серебра как 1 : 6²/₃. (В золотой гривне 50 простых гривен, а в серебряной — 7¹/₃ гривен.) Обращаясь снова к положению на Западе в это время, приходится констатировать, что такое соотношение в исключительных случаях встречалось, но для этого отклонения от обычной нормы в 1 : 11 должны были быть какие-то веские причины. Так, в Германии середины XIV в., с началом повсеместной чеканки золотой монеты, цены на золото сразу поднялись очень

¹ Мрочек, 97.

² Курс, I, 324.

³ Мрочек, 86—93. Разбор очень подробный и обстоятельный.

высоко, чтобы тотчас же снова упасть.¹ Но недатированность памятника, неизвестность места его происхождения не позволяют найти для этого свидетельства достаточно обоснованную причину. Последнее относится и к упоминаемому в ней соотношению гривны серебра к гривне монет, к кунной гривне. Надо хотя бы приблизительно знать, какие монеты имеются в виду, чтобы оперировать этой статьей. В виде догадки укажу, что в летописи XIII в. имеется как исключение для Южной Руси упоминание о кунах на Волыни. Это могут быть польские или венгерские денари. Если же подставить приплате мною на основании заверенного документа конца XII в. соотношение между гривной серебра и гривной кун, как 1 : 4, то в данном случае получится 1 гривна золота = $12\frac{1}{2}$ гривнам серебра = 50 гривнам кун, что даст вполне возможное для того времени соотношение металлов. Тогда в этой темной самой по себе статье подвергаются сомнению слова «пол осмы». Все только что приведенные мною соображения вынуждают меня не пользоваться этой статьей и оставить вопрос об отношении золота к серебру для времени Русской Правды открытым.

В отношении вещественных памятников золотого обращения мы не богаты. На основании кладов можно лишь констатировать, что в XI, XII и XIII вв. ходили подобно серебряным слиткам на юге Руси и золотые слитки продолговатой формы.² Известны 6 находок золотых слитков. Из них 2 следует отнести к XI, 1 к XII или XIII, и 1 к XIII вв.

Из виденных мною в натуре или в снимке слитков лишь 2 слитка цельные, причем лишь вес одного из них в 94.713 г мне известен. На основании столь скудного материала — известны в общем 10 цельных фракций — никакого вывода, конечно, сделать нельзя. Известно только по миниатюре Криницы (список Амартоловой хроники) конца XIII в., что продолговатые золотые палочки назывались не только гривнами золота, но и малозначущим именем «златника».³

Заключение

Денежный счет в русском юридическом памятнике естественно должен носить на себе печать несомненной реальности. Это необходимо подчеркнуть в противоположность довольно частым упоминаниям денежных единиц

¹ Luschin von Ebengreut. Das Wertverhältnis zwischen den Edelmetallen in Deutschland während des Mittelalters, 431—472 в трудах Congrès international numismatique à Bruxelles 1891.

² Bauer. Barren 90 (14) — 92 (16), табл. I (2) п. 18, 19 A и B, 22.

³ Там же, табл. IV (8).

в древнерусской переводной литературе, как, напр., златник, стязь, даже пенязь, которые никаких реальных предметов в представлении большинства русских людей того времени породить не могли. Чрезвычайно редкие находки византийских золотых монет на территории Восточной Европы подтверждают такое убеждение, создающееся после ознакомления с памятниками письменности.

Необходимое соответствие русских юридических памятников с действительностью позволяют мне, на основании добытых выше результатов, применить последние к датировке Русской Правды.

Первое, на чем я останавлиюсь, это на невозможности ссылаться на денежные обозначения при делении Краткой Правды на две редакции, на древнейшую — Ярослава и на позднейшую — его сыновей. Это хронологическое деление, указанное в самом тексте, не может быть ни подтверждено, ни отклонено ссылкой на деньги Русской Правды. Действительно, в первых статьях Краткой Правды не упоминаются части гривен, но это полностью объясняется категориями преступлений, которые приводятся в этих статьях. Пенн в частях гривны были бы здесь слишком незначительны сравнительно с тяжестью проступков. Приводимые другими учеными соображения в связи с употреблением слова «скот» в первых параграфах и отсутствие его и даже замена в дальнейших — для меня не обязательны, так как я пришел к выводу, что оба понятия — скот и куны — ни в коем случае не одновременного происхождения, хотя и различны по происхождению этническому. Время составления второй части или даже всей Краткой Правды мною приурочивается, в связи с понижением монетной стопы Канутом Великим около 1025 г., ко времени не ранее второй четверти XI в. Это основывается как на падении веса резань-денария, наиболее часто упоминаемой фракции гривны в Краткой Правде, так и на преобладании именно этих монет в нашихкладах только начиная с 1040 г. Поэтому записана могла быть Краткая Правда и после смерти Ярослава в 1054 г. Однако слишком отодвигать к концу века это событие я считал бы также неправильным. Почти полное отсутствие диргемов вкладах второй половины XI в. превращает резануффенинг в куну, т. е. в единственно существующую в обиходе в мало-мальски большом количестве монету, почему к этому времени и следует приурочить полное исчезновение из представления жителей восточноевропейской равнины различия между хорошим и дурным диргемом, т. е. между погатой и кунной Краткой Правды. Поэтому вторую половину XI в. я считаю временем зарождения Распространенной Правды, запись которой я склонен приурочить из-за сходства с денежным счетом устава Святослава 1137 г. ко второй

четверти XII века.¹ Оба памятника считают на счетную гривну, главной частью которой является купа. Так, мы читаем в уставе Святослава: «въ Ъѣжичихъ 6 гривенъ и 8 кунъ.... въ Езьскѣ 4 гривны и 8 кунъ». Однако в обоих памятниках имеется упоминание новой валюты, причем в уставе она прямо называется гривной новых куп, очевидно тяжелой, так как в казне Домажирича из Онега ее может и не быть в количестве 100 единиц. Читая Распространенную Правду, мы можем о новой валюте лишь догадываться в связи с появлением нового термина «гривна куп», фигурирующего в новых статьях этой Правды. Почти одновременный с этими памятниками устав Смоленский 1150 г. все еще знает только одну старую счетную гривну, напротив, Мирный договор 1189 г. уже храбро считает на обе валюты. Необходимость счета на гривну серебра по данным археологическим вызвана отсутствием к этому времени иностранной монеты, так как наиболее поздний немецкий пеннинг из клада, найденного в Спанко, приурочивается к 20-м гг. XII в.

Итак, моя датировка, основанная на изучении денег Русской Правды, очень близко подходит к датировке исследователей историков и юристов.

Второй не менее важный вопрос — о территориальном происхождении Русской Правды — я склонен разрешить в пользу Северной Руси; правда, мои аргументы больше исходят из отрицательных моментов, нежели из положительных.

Разбирая памятники письменности, которые поддаются датировке и связаны с определенной территорией, я прихожу к убеждению, что счетная гривна, т. е. ее части, в южнорусских памятниках вовсе не упоминается; лишь в Слове о Полку Игореве, значит в конце XII в., мы читаем: «аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ»;² да в Патерике Печерском, т. е. от 20-х гг. XIII в., упоминается, что «юже бо прежде драго продаваху (соль) по два головажне за куну, нынѣ же по 10».³ В памятниках же Северо-западной Руси, в Новгородских и Смоленских, как в XII, так и в XIII вв. части гривны упоминаются постоянно. Несколько противоречит, пожалуй, моему выводу то, что в самой Распространенной Правде в статье о резе, принятой Владимиром Мономахом в Берестове, счет идет на куну.

Более основательными кажутся мне в данном случае чисто нумизматические аргументы, указывающие на Север как на родину гривенной

¹ Владимирский-Буданов, I, 217—218.

² Перетц, 115, XV.

³ Киево-Печерский Патерик (1911), 108. Ср. Срезневский, Словарь, I, 1366.

Об. испом. дисс.

системы, нашедшей свое отражение в Русской Правде. Как мною уже было подчеркнуто, монетные клады, начиная с 1040-х гг., указывают на полное истребление диргемов на восточноевропейской равнине.¹ Было бы, на мой взгляд, неверно предположить, что клады, в состав которых входят одни диргемы и которые датированы обычно концом X в., зарыты значительно позже, чем их самые поздние экземпляры, и что они отображают собою южное денежное обращение в противоположность северному с его западноевропейскими денариями. Возможно было бы, конечно, преобладание диргемов на юге, но не полное отсутствие здесь немецких шфеннигов. Очевидно, безмонетный период на юге наступил задолго до того, как это явление наметилось на севере, и породил на юге обращение шестигульных слитков весом в 158 г. Если бы Русская Правда была юридическим памятником Юга, то в статьях и это явление нашло бы в ней так или иначе свое отражение. Но я ни в одной статье этого не могу усмотреть. Поэтому я считаю безусловно правыми тех ученых, которые связывают Русскую Правду с Новгородом и его юридическим бытом.

Доведи до конца свое исследование о денежном счете Русской Правды, я хочу, хотя бы только в нескольких словах, остановиться на расхождении моих выводов с выводами исследователей, ранее писавших на эту тему. Все, кто сказал нечто ценное в этом вопросе, как Погодин, Казанский, Мрочек-Дроздовский, Ключевский и Кауфман, были в сущности далеки от археологии и поэтому, если и пользовались вещественными памятниками, то всегда со слов любителей-нумизматов, и то только для того, чтобы заткнуть монетами и слитками пустые места в ряде письменных свидетельств. Картина получалась вследствие этого случайной. С другой стороны, отсутствие разработки вещественных памятников побудило Ключевского, даже после очень доказательной работы Мрочек-Дроздовского, признать возможным существование меховой валюты, которую он усматривает, между прочим, в словах статьи Распространенной Правды Троицкого списка о судебных расходах «а на мех 2 купы». То же обстоятельство являлось причиной всеобщего убеждения, что кунная валюта постоянно падала, хотя никому сущность последней не была известна. Ключевский² ищет в ней причину различных ставок штрафа за побои в Распространенной Правде, хотя это различие, конечно, основывается на иных категориях преступления, но недостаточно отчетливо выраженных в самом памятнике.

¹ См. выше. Бауер. *Russische Funde*, 210.

² Ключевский. *Курс*, I, 266; 282—283.

В итоге моего исследования получается чрезвычайное снижение реальной стоимости гривны Русской Правды до 50 г чистого серебра, что на мой взгляд лучше вяжется, чем прежние предположения, с бедностью в металле в те отдаленные времена и косвенно подтверждается схожими результатами для Германии XIII в., полученными благодаря новейшим исследованиям немецкого метролога Гяллегера.¹

N. BAUER. GELDRECHNUNG IN DER RUSSKAJA PRAWDA

ZUSAMMENFASSUNG

In seiner Untersuchung über die älteste russische Geldrechnung unternimmt es V. eine Frage, die die russischen Historiker des vorigen Jahrhunderts aufs lebhafteste interessiert hatte, die aber in der jüngsten Vergangenheit als zu hoffnungslos stillschweigend übergangen wurde, wieder aufzunehmen. Die ersten vier Kapitel sind den Nachrichten aus den schriftlichen Quellen gewidmet und versuchen auf Grund der Schau sehr häufig zitierter Stellen den Beweis zu erbringen, dass in keiner von den einheimischen zeitgenössischen Quellen aus dem X—XII Jahrhundert, falls man sie ohne vorgefasste Meinung betrachtet, von Warengeld die Rede sei. Zwar finden sich in den Denkmälern, die über Tribut, Steuern oder Abgaben handeln, Pelzwerke als Steuereinheiten, neben denen sich ebenfalls auch eine Reihe anderer Erzeugnisse der Naturalwirtschaft einstellen. Doch dieser Umstand berechtigt die Forscher durchaus nicht, die Geldeinheiten der Prawda als Warengeld zu deuten. Sogar für die Zeit vor 1000 darf man an kein Viehgeld denken, denn das Wort skot—Geld, Münze—muss durchaus für eine Entlehnung aus dem Skandinavischen und Angelsächsischen gelten, die gleichzeitig mit dem klingenden Gelde aus dem Auslande nach Russland übertragen wurde. Von den Geldeinheiten der Prawda wurde die höchste Einheit, die Griwna, niemals mit der Pelzwerktheorie in Verbindung gesetzt. V. versucht in dieser Hinsicht noch weiter zu gehen und das Wort Griwna selbst im Sinne der frühesten Zählgriwna der Prawda ebenfalls für eine Entlehnung aus dem Skandinavischen zu erklären. Die Nogate als vollwertige Silbereinheit ist heutzutage dank der Scharfsichtigkeit der russischen Orientalisten vollkommen gesichert. Nur die kleineren Einheiten der Kuna und Veveriza tragen den Beigeschmack der Pelztheorie an sich. Doch besteht V. darauf, dass nur wenig dem im Wege stehe, dass die recht komplizierte Geldrechnung der Prawda der beiden Redaktionen auf den im X—XII Jahrhundert stattgehabten, durch sehr viele Münzfunde dokumentierten fremdländischen Münzumlauf zu beziehen sei. Bis

¹ Hilliger. Die Reichssteuerliste von 1242 in «Hist. Vierteljahrschrift» (1933), 104 и 108.

dahin sind die Ausführungen des V. nur eine kritische Bearbeitung oft besprochener Quellenstellen mit geringem Einschlag (die Raffelstettener Zollordnung in diesem Zusammenhang, Thomsen-Stender-Petersen über skot, Tiesenhausen-Meljoranskij über Nogata) und seine Ergebnisse decken sich so ziemlich mit den Ergebnissen des nicht immer genügend geschätzten Mrotshek-Drozdowskij (1882). Dagegen wird in Kapitel 5 auf Grund des nur neuerdings ausgeschürften numismatischen Materials der Beweis geliefert, dass der Geldumlauf auf der europäischen Ostebene mit den einander ersetzenden Dirhems, europäischen Denaren und nordrussischen rhomboiden Silberbarren, wie sie uns in den zahlreichen Funden entgegen-treten, vollkommen der Geldrechnung der Prawda in ihren chronologisch aufeinander folgenden Redaktionen entspricht. V. stützt sich dabei auf die Untersuchungen von R. Vasmer, A. A. Iljin und auf seine eigenen rein numismatischen Arbeiten. Wie es der Vertrag von 1189 zwischen Gothland und den Russen aufweist, ist die Zahlgriwna der Prawda dem Werte nach dem vierten Teil der Silbergriwna gleich. Letztere ist durch die zahlreichen Silberbarren, sowohl aus dem XII Jahrhundert, als auch aus den folgenden, im Gewichte von ungefähr 197 g., zur Genüge bekannt. Das ist aber gerade das Gewicht der ursprünglichen skandinavischen Mark des X Jahrhunderts, wie sie neuerdings von B. Hilliger so trefflich errechnet wurde. Somit fällt auch die orientalische Abstammung sowohl der russischen Griwna, als auch des skandinavischen Pfundes (I. I. Kaufman und T. Arne) von selbst weg, und der Silberwert der Zahlgriwna in gangbarer Münze muss auf etwa 49.25 g. festgesetzt werden. Dementsprechend ist das Gewicht der Nogata 2.46, der Kuna der I Redaktion 1.97, der Kuna der II Redaktion und der Rezana der I R. 0.98 und das der Vekscha 0.49 g. Obgleich eine vollkommene Identifizierung dieser Gewichtseinheiten mit den im Umlauf gewesenen Münzen sich noch nicht herstellen lässt — der Unterschied schwankt etwa zwischen 0.1—0.2 g., was teilweise auch auf den Stand der metrologischen Forschungen des Münzmaterials zurückzuführen wäre, — so kann man doch von einem Aufeinanderpassen der Münzen des X—XII Jahrhunderts und der Geldeinheiten der Prawda sprechen. Somit sieht der V. in der Nogata den vollhaltigen, aber schon etwas abgeriebenen silbernen Funddirhem des X und XI Jahrh., in der Kuna der I Redaktion den stark legierten, in der Resana zuerst den in zwei Teile zerschnittenen oder auch kreisförmig beschnittenen Dirhem, dann den europäischen Denar nach der Herabsetzung des Münzfusses durch Knut den Gr. etwa um 1025, und endlich in der Vekscha die kleineren Bruchstücke der Dirhems und den europäischen Obol. In der zweiten Redaktion spielt der Denar, nun Kuna genannt, die alleinige Rolle des klingenden Geldes von Nordrussland. Das Kapitel von der Goldgriwna bringt nichts Neues, wie sie ja auch in der Prawda selbst eine kaum merkliche Rolle spielt.
